

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

СС
ПРЕДЕЛА

Вне себя

Василий Головачев

Бес предела

«ЭКСМО»

2013

Головачев В. В.

Бес предела / В. В. Головачев — «Эксмо», 2013 — (Вне себя)

ISBN 978-5-699-65331-7

Передышка между боями не равна перемирию. Да и не может быть никаких договоренностей с теми, кто хочет изменить Мир, изъяв из него правду и добро и заменив его кривдой и черным злом. Но даже эта передышка оказывается короткой. Формонавт Прохор Смирнов и те, кто стал с ним рука об руку в невидимой войне за Числовселенную, снова призваны на передовую, ведь только им известно истинное положение дел, только они способны противостоять тайной экспансии Владык Темных Бездн. Однако приспешники Владык успевают первыми нанести удар: неожиданный, подлый, не оставляющий права выбора. Команда Смирнова, собравшись с силами, принимает вызов.

ISBN 978-5-699-65331-7

© Головачев В. В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава первая	6
Скрытая угроза	6
Хочу всё знать	13
Формоспектр	21
Третий	32
Лиха беда начало	36
Опыт дело наживное	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Василий Головачёв

Бес предела

© Головачев В.В., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Это добрая мысль человека, глядящего в беспредельную даль, о том, что каждый из нас где-то соединён с другим человеком...

М. Пришвин. «Осударева дорога»

Всё в Мире есть Число!

Пифагор

Потребуется несколько лет, чтобы рана в душе затянулась и Стёпу посетили новые идеи относительно цифр и чисел.

В. Пелевин. «Числа»

Они ждут удобного момента для удара.

Б. Лавренёв. «Так держать»

Глава первая Одиннадцатый

Скрытая угроза

Мост казался бесконечным, пересекая не реку, а по крайней мере океан. Высоко над головой вздымались его призрачно-льדיстые пилоны, между которыми тянулись ряды вант, складывающихся в красивую ажурную паутину, издали напоминающую ряды парусов скользящих по воде яхт.

Океан был сер и мрачен.

Сзади небо уходило в ночь, глухую, беззвёздную, фиолетово-чёрную. Впереди, куда и стремилась стрела моста, вставало далёкое золотистое сияние, струящееся вверх, в космос, зыбкой призрачной колонной.

Свет грел лицо, несмотря на его удалённость, истаивал паутинками, и его хотелось взять в руки и попробовать на вкус, как сахарную вату.

На плечо легла тяжёлая лапа.

– Ваши документы!

Проخور повернул голову.

На него смотрела хищная крокодилья морда, зеленовато-красная, в пупырышках и чешуях, карикатурно напоминающая человечью.

Существо было одето в сверкающий чешуйчатый балахон и вооружено увесистым топором на вычурно изогнутой рукоятке.

За его спиной стояли ещё два таких же красавца, похожие друг на друга как сошедшие с конвейера киберы.

– Ваши документы! – повторил псевдокрокодил лязгающим голосом на чистом русском языке. Глаза его с вертикальными зрачками налились оранжевым свечением.

«Охотники!» – мелькнуло в голове.

Проخور инстинктивно сбросил лапу с плеча и метнулся по мосту к светящейся призрачной колонне на горизонте.

– Стой! – рявкнули ему вслед.

Послышался тяжёлый топот: вся троица бросилась догонять беглеца.

Проخور наддал, ощущая незащищённость спины, в которую вот-вот должен был вонзиться топор.

Мост внезапно превратился в ущелье, окружённое стенами мрачных, геометрически правильных скал, ущелье нырнуло в пещеру, заполненную текучим мраком. В глубине чёрного зева сверкнули чьи-то злобные глаза. Проخور затормозил, затравленно озираясь, прыгнул в темноту и... проснулся!

Приподнялся на локтях, весь в поту, дыша, как заяц, спасающийся бегством от лисы, вслушиваясь в гулкий бой сердца, лёг снова.

Покосился на спящую рядом Юстину.

Напряжение постепенно уходило, сердце перестало работать в темпе дорожного перфоратора, на душу снизошло спокойствие. Он был дома, хотя и не у себя – переехал к Юстине, – а не в глубинах невообразимых Бездн или в плену Узилища. Можно было не бояться появления Охотников, не ждать удара в спину и не держать себя постоянно в боевой готовности. Правда, Дан Саблин (свой, одиннадцатый) говорил, повторяя слова Проخورа-999, что спокойствие это временное, и Владыки непременно вспомнят о своих обидчиках, разрушивших Узи-

лице и распутивших пленных по числомирам. Однако прошло полгода с момента освобождения, наступила зима, всё было тихо, и Прохор успокоился. Хотя сны, подобные только что пережитому, изредка его посещали.

Вернуться из Узилища, коим стал мозг Прохора-999, удалось всем. Вернее, Прохор Смирнов (он жил в одиннадцатом Ф-превалитете) знал о возвращении лишь дружественно настроенных формонавтов, как Прохоров (составляющих трансперсональную родовую линию Смирновых, которая пронизывала всю Числовселенную), так и Саблиных. Родовую линию Юстины он не проверял, но для него было достаточно и того, что она сама вернулась с ним в родной одиннадцатый числомир, а в мир второго Ф-превалитета вернулась Устинья, подруга Прохора-2.

Юстина наконец окончательно поменяла своё отношение к Прохору, а главное – поняла, что любит его. Хотя об этом они никогда не заговаривали, он просто чётко знал это. А так как особой она была решительной, прямой и целеустремлённой, то и предложила переехать Прохору к ней «во избежание неизбежных» волнений, как она заявила.

Он было заикнулся:

– Сыграем свадьбу?

– Позже! – был ответ.

Впрочем, он не сильно переживал по этому поводу. Было понятно, что подруга приняла его сторону, осознала сложность Числовселенной, получив более чем реальные доказательства её существования, удержалась от лишних обсуждений существующего порядка вещей и не стала мешать Прохору заниматься формонавтикой. Она даже изредка позволяла себе «прогуляться в гости» к «родственнице» из второго числомира – Устинье, быстро освоив алгоритм числоперехода, тем более что Прохор сделал ей эргион – самый миниатюрный и самый красивый из всех, что он когда-либо создавал: для этого он использовал тонкие, как спички, столбики из сердолика и полевого шпата.

После возвращения из Узилища, как формонавты называли пси-структуры Прохора-999 или, проще говоря, его мозг, какое-то время Смирнов отходил от стресса, блаженно ощущая себя свободным и ни от кого не зависящим. Не хотелось не только путешествовать по числомирам, но даже думать о математике и формонавтике.

Однако Юстина пришла в себя гораздо быстрее, ещё раз доказав, что стала майором полиции и командиром отряда спецназа ОМОН не зря, и навела железный порядок в своём окружении. Что сказало, естественно, и на жизни самого Прохора.

Во-первых, он переехал жить к подруге, так как, по её мнению, опасность выхода на него «цепных псов» Владык – Охотников – сохранялась: они знали, где он живёт и где работает. Дан Саблин сомневался в действенности этого шага, потому как вычислить местоположение Прохора было легко, сущности Охотников без усилий могли внедряться в любого человека, будь он хоть математиком, хоть полицейским или президентом. И всё же защищённость Прохора при смене адреса, да и вообще уклада жизни, возростала. Однако все они согласились какое-то время не менять ситуацию кардинально – например, не переезжать в другой город или вообще в другую страну, как это сделал когда-то ДД – Дмитрий Дмитриевич Бурлюк, академик РАЕН, первым испытавший на себе смертельное «дыхание» Владык; кто такие Владыки (он называл их Владыками Числобездн или просто – Бездн), ДД не знал сам, они жили в других числомирах, хотя пытались всеми средствами установить контроль над мирами Первоцифр.

ДД после освобождения – он тоже участвовал в операции по вызволению Прохора-11 – в Суздале не задержался, уже на другой день уехал и лишь изредка звонил, осведомляясь, не появились ли Охотники. Судя по всему, в Россию из Новой Зеландии, где он обосновался более десяти лет назад, математик возвращаться не хотел. Хотя в его речи не раз прорывалась тоска по родному дому, когда он позволял себе вспомнить детство и посетовать на нынешнюю бесприютность.

– Приезжайте в Роторуа, – с усмешкой предложил он Прохору после одного такого разговора по мобильному, – мне есть что вам показать и рассказать.

Прохор пообещал прилететь в Новую Зеландию при первой же возможности, и хотя до сих пор не сделал этого, строил планы. Ему и в самом деле хотелось многое обсудить из того, что он выяснил, путешествуя по числомирам – из головы в голову «родственников» по трансперсональной родовой линии, живущих в разных измерениях, и ещё больше хотелось узнать новости.

Воспоминания о последнем «виртуальном» бое в Узилище беспокоили его всё реже. Правда, это не освобождало Прохора от чувства вины, потому что не только он, но и его друзья, кинувшиеся его спасать, могли погибнуть, поэтому совесть продолжала напоминать ему о допущенных ошибках и не снижать градус благодарности за спасение.

Да, бой в глубинах психики Прохора-999 (в своём мире он носил имя Прохориил), которую Владыки превратили в особого рода тюрьму, действительно был виртуальным, мысленным, ментальным, но менее опасным он от этого не становился, так как мог закончиться окончательным пленением всех попавших в Узилище душ (или ПСС – психосоматических структур, по выражению ДД) либо привести к их распаду, разрушению, исчезновению.

И всё-таки они победили!

Прохор мысленно показал кулак небу, расслабился, начиная погружаться в тёплое марево дрёмы.

Но Юстина пошевелилась, поворачиваясь к нему лицом, и он замер, жмурясь, как кот, вдыхая волшебно-зовущий запах её тела.

Она была рядом, и она его любила! Этого было достаточно, чтобы ощущать себя на седьмом небе от счастья. А свадьбу можно было сыграть и позже, они всё равно жили вместе.

Конечно, у «родича» из второго Ф-превалитета жизнь складывалась удачней, он-то как раз *женился* на любимой женщине – Усте, «родственнице» Юстины, и, похоже, катался как сыр в масле, по образному выражению Дана-второго. С другой стороны, завидовать особенно было нечему, Прохор-2, несмотря на все житейские напряжения, изменился мало и не стремился, как его «одиннадцатый брат», достичь вершин самореализации. Он всё так же увлекался числонавтикой, предпочитал всё свободное время проводить за компьютером, ленился бриться по утрам и часто забывал, что живёт не один, не принимая почти никакого участия в бытовых делах.

Странно, однако всё это Устинья ему прощала, компенсируя «барские замашки» мужа собственной активностью, расторопностью и решительностью, успевая и готовить любимому еду, и убирать квартиру, и участвовать в соревнованиях по бейсджампингу и скайдайвингу.

На миг в душе проснулась зависть.

Юстина тоже готовила и убирала, но большую часть времени проводила на службе, отчего Прохору часто приходилось выполнять «женскую» работу, хотя делал он это легко, пусть и без особого удовольствия. Изменить отношение Юстины к её непростой и опасной деятельности он не мог, она и слушать не хотела о переходе на другую работу.

Дан Саблин как-то даже пошутил по этому поводу:

– А может, она в будущем станет министром внутренних дел. Ты против?

Прохор только тяжело вздохнул в ответ. Он не хотел, чтобы жена всю жизнь провела среди полицейских и задержанных ими подонков, но был бессилён что-либо изменить. Как сказал тот же Саблин:

– Терпи, если любишь. Нет ничего в мире плохого, есть только то, что тебя огорчает.

– Меня многое огорчает, – буркнул Прохор. – Но я хочу ей только добра.

– А разве ты не знаешь, что навязанное добро – зло?

Ответа Прохор не нашёл.

Мысли свернули к собственному целеполаганию.

Несмотря на долгое отсутствие, завлаб профессор Чудинов не уволил математика, проявлявшего чудеса творческого подхода к решаемым лабораторией проблемам. Прохору даже не урезали квартальную премию, называемую бонусом за креатив. И он без энтузиазма, но с охотой втянулся в бесконечные расчёты характеристик метаматериалов, в которых нуждалась отечественная промышленность, а также частные фирмы, которые платили за исполнение заказа гораздо больше, чем государственные предприятия.

Последней работой Прохора стал анализ феррофлюидов – магнитных жидкостей на основе нанокластеров атомарного железа, способных принимать любую заданную форму. Работа оказалась интересной, и он уже месяц с удовольствием уходил в дебри расчётов и разработки вариантов удивительной субстанции, часто задерживаясь в лаборатории допоздна, а то и беря материалы домой, на выходные; у него стоял мощный персональный компьютер «Осколковец», способный рассчитать любой физический процесс.

Захотелось сесть за клавиатуру и полюбоваться структурой материала, из которого можно было легко лепить «жидкие скульптуры» любой формы, не требующие энергетической подпитки.

Юстина заворочалась снова, подняла голову.

– Опять не спишь?

Он подивился её чуткости, виновато повозился.

– Сон приснился...

– С мостом?

– Угу.

– Позвони ДД, поинтересуйся, ему снятся подобные сны?

– Спасибо, что не посоветовала сходить к психиатру.

– Психиатр не поможет. – Юстина придвинулась ближе, обняла. – Спи, встанешь разбитый.

– Скоро вставать.

– Это приказ!

– Понял, мой генерал! – Прохор улыбнулся, потёрся подбородком о тёплое плечо подруги и неожиданно уснул, расслабленный.

Юстина знала не одно волшебное слово, успокаивающее мужчин.

Проснулся он от того, что с него бесцеремонно стащили одеяло.

– Вставай, соня, на работу опоздаешь.

Он разлепил глаза.

Юстина стояла у кровати, одетая в строгий тёмно-синий костюм, ничуть не убавляющий её природной красоты.

– Рисовая каша на плите, остальное на столе.

– Мы же хотели вместе завтракать, – огорчился Прохор.

– Я спешу, зато обещаю совместный ужин, ресторан выбирай сам, созвонимся после обеда.

– Ты круглосуточно красивая...

– Это ты к чему? – свела она брови к переносице.

– Это слова старой песни... а я круглосуточно в тебя влюблён.

– Романтизм с утра суть нездоровое мироощущение. – Она наклонилась, поцеловала его в щёку. – Контрольный поцелуй. Всё, пока.

Юстина исчезла.

Он полежал, улыбаясь, представляя, как обнимает её и медленно раздевает, потом увидел малиновый отсвет лазерных часов на потолке – пошёл уже девятый час утра – и подскочил, понимая, что запросто может опоздать. Нынешние суздальские пробки не уступали по плотности московским, так как улицы города были намного уже.

Через пять минут он брлся. В половине девятого завтракал: рисовая каша, блинчик с творогом, кофе. Без пятнадцати девять вывел свой кроссовер «Феникс» на улицу... и опоздал на работу на сорок пять минут. К счастью, завлаб отсутствовал, задерживаясь по каким-то причинам, и опоздание математика заметила только лаборантка Марина, младший научный сотрудник, заканчивающая местный суздальский институт химического машиностроения. Но она Прохора уважала и не стала уточнять причину опоздания, исполняя обязанности секретарши. Девушкой она была симпатичной, однако, по оценке Прохора, слишком много курила и ещё больше болтала с подругами по скайпу.

Глотнув кофе с лимоном, он сосредоточился на задании и вскоре забыл не только о существовании Владык с Охотниками, но и своём собственном. Работе с компьютером он отдавался целиком и полностью, не отвлекаясь на пустопорожные беседы с коллегами, за что они прозвали его матаголиком. Никто из них не знал, что Прохор зачастую решает на работе совсем другие проблемы, связанные с формологией и поиском экзотических числомиров, однако большинство сотрудников лаборатории с математикой вообще и тензорным анализом в частности не особенно дружили, поэтому геометрические фигуры, возникающие в объёме дисплея Прохора, воспринимали как элементы рабочих вычислений.

До обеда время пролетело незаметно. А потом позвонил Дан Саблин. В отличие от второго Дана – Данияра, в родном одиннадцатом числомире полное имя его звучало иначе – Данимир.

– Как дела, формонавт?

Прохор оторвался от созерцания «магнитной пены», представляющей собой основу феррофлюидного материала, провёл ладонью по лицу.

– Голова пока цела. Что у тебя?

– Изучаю азы формологии. Был у «брата».

– У Данияра? Как они там? Я со вторым не пересекался уже с неделю.

– У них вроде бы всё нормально, обустриваются на новом месте. – Данимир имел в виду, что Прохор-второй вместе с Устей и Даном-2 переехали в Вологду, где и начали новую жизнь, в надежде, что там искать их ищейки Владык не станут. – Хотя Дан загривком чувствует некую неловкость, дыхание потенциальной угрозы, так сказать.

Прохор подобрался.

– В чём это выражается?

– Да ни в чём, у «братишки» просто шалят нервы.

Прохор покачал головой.

– Данияр уравновешен не меньше, чем ты. Он не из тех, кто впадает в панику.

Тон Саблина изменился.

– Давай-ка об этом не по телефону. Заеду за тобой после работы, и мы посидим где-нибудь в тихом месте.

– Сегодня я ужинаю с Юстиной, она сама предложила.

– В таком случае заеду к вам домой позже, поговорим, обменяемся новостями.

– У тебя есть новости?

Саблин помолчал.

– Иногда мне кажется, что я сплю... точнее, живу не в своём числомире. – Он хохотнул. – Может, формонавтика вызывает шизофрению? А может, я заблудился и в самом деле живу не в своём теле?

– Ты меня пугаешь. Если тебе кажется, что ты сам не свой...

Тон Данимира стал прежним.

– Я пошутил. Хотя, как говорится, в каждой шутке есть доля шутки. Больше всего меня достаёт тишина вокруг. Прохориил-999 предупредил, что Владыки не отступятся, почему же они молчат полгода? Вынашивают планы? Ждут удобного момента для удара?

– Что-то уж больно велико их терпение. Ты бы стал ждать так долго, чтобы отомстить? А если они всё-таки отступились, поняли, что нас не сломить?

– История учит, что она ничему никого не учит. Не нравится мне тишина, чего-то мы не видим. Надо бы погулять по числомирам, присмотреться, что у них творится. Да и с ДД надо бы посоветоваться. Кстати, как у тебя с Юстей?

– Нормально, – усмехнулся Прохор. – Как поётся в песне: таких, как она, не бывает, таких, как я, не бросают. Теперь у меня дома полный матриархат.

– Тебя это напрягает?

– Ты знаешь – нет, – признался Прохор. – Мне даже нравится, когда она командует.

– До вечера.

Голос Данимира пропал.

Прохор осоловело глянул на атомарную решётку в глубине экрана, похожую на красивую фрактальную вязь – новый вариант «плывущей» структуры феррофлюида, но мысли уже сосредоточились на формонавтике, и продолжать расчёты даже такого экзотичного материала не хотелось. Вспомнились слова Юстины: позвони ДД... Желания Дана и Юсти совпадали, академик был намного опытнее их и мог дать хороший совет. Да и вообще с ним действительно надо было встретиться вживую, тем более что он обещал показать что-то интересное. Хоть бы намекнул – что. Новые инфобиотоны? Усовершенствованный эргион? Или нечто нематериальное, из другой оперы – некие математические алгоритмы, преобразующие числа?

Рука потянулась к мобильному.

ДД просил не звонить по пустякам, но и не запретил пользоваться связью, используя новый способ кодирования: у него был не прямой номер, а с переключением на криптоканал, недоступный никаким дешифровальным комплексам.

Заиграла тихая мелодия. Щелчок.

– Слушаю, Прохор Кириллович, – раздался в клипсе мобильного басовитый голос Дмитрия Дмитриевича. – Что-то случилось?

– Пока ничего, тишина, – сказал Прохор извиняющимся тоном. – И это нас нервирует.

– Не только вас. Я собрался в длительную командировку по оси «Ч», поэтому долгое время буду недоступен. Не хотите встретиться, обговорить кое-какие интересующие всех нас проблемы? Тем более что есть важная причина.

– Охотники?! – вырвалось у Прохора.

– Что? А, нет, известие несколько иного характера. Я закончил серию экспериментов с формами и хотел бы вам показать результаты моих путешествий по оси «Ф». Сможете прилететь в Новую Зеландию на пару дней?

– Не думал, если честно. Хотел к весне...

– К сожалению, я хотя и могу прилететь в Россию, но не смогу там показать некие артефакты, они у меня здесь. Уверен, что они вам вскоре понадобятся.

– В принципе я могу отпроситься у завлаба...

– Очень хорошо, сделайте это. Желательно, чтобы вы были у меня уже на следующей неделе.

– Попробую решить проблему в ближайшее время. Могу я взять с собой...

– Юстину?

– Вряд ли она согласится, у неё сумасшедшая работа. Я имел в виду Данимира Саблина.

– Без проблем. У вас всё?

– Всё... нет! Хотел проконсультироваться по поводу... мне часто снится один и тот же сон: мост через большую воду, до горизонта, прямо-таки океан, и там сияние в виде колонны. Я иду туда, а за мной гонятся крокодиловидные твари.

Собеседник ответил не сразу.

– Странный сон... символический. Мы поговорим об этом. Жду вас. – Голос ДД растворился в тишине.

Прохор выключил мобильный. Лететь в Новую Зеландию в январе он не собирался, но академик был так напорист, что отказаться не хватило сил. Придётся лететь, парень. Дал слово – держись.

Он спохватился, услышав голоса в соседних конторках, где сидели сотрудники лаборатории: наступил обед. Но сначала надо было предупредить Саблина, и Прохор снова взялся за телефон.

Хочу всё знать

Сидели на веранде таунхауса, на втором этаже, с видом на озеро, за которым вздымались в небо бликующие стеклом рукотворные скалы города.

Расположились в шезлонгах, потягивая ледяной тоник через соломинки, поглядывая на неспешно скользящие по озеру лёгкие лодки и яхты.

Было жарко, больше тридцати по Цельсию, январь в Новой Зеландии – середина лета, но в тени веранды жара не ощущалась, и собеседники чувствовали себя комфортно.

Дмитрий Дмитриевич был в шортах и белой футболке с надписью на груди «СССР»; он привёз эту футболку из России и не расставался с ней, она приносила ему удачу.

Гость – смуглолицый, горбоносый, с курчавыми чёрными волосами, ореховыми глазами, чисто выбритый, щеголял в полотняном серо-жёлтом «колониальном» костюме, какие предпочитали носить все европейцы Новой Зеландии. Звали гостя Таглиб ар-Рахман.

– Ты хорошо устроился, – сказал он на английском; вся беседа проистекала на английском языке, хотя Дмитрий Дмитриевич знал арабский, а Таглиб – русский. – Охотники сюда не забредали?

– Пока бог миловал, – пожал плечами математик. – О моём пребывании на острове знают единицы, и все они проверенные люди, способные не поддаваться зомбированию.

– Владыки не останутся. Они тоже нашли способ диктовать волю любому человеку, а то и всей властной системе, и готовы перейти на другой уровень.

– Владык нам не достать.

– Зато доступны их Админы, организаторы процессов захвата власти в числомирах и охот на нашего брата-формонавта. Их достать можно.

– К сожалению, у нас нет ни регулярной армии, готовой противостоять вторжению, ни мало-мальски серьёзной спецгруппы.

– А парни из Суздаля?

– Один из них математик, как и я, хотя и в неплохой физической форме, второй... да, он боец по натуре, нам повезло, но и он не командир подразделения спецназа. А для решения наших проблем нужна хорошо подготовленная группа. Её ещё надо создать.

– У меня есть пара отличных ребят.

– Здесь?

Таглиб понял смысл вопроса.

– Я натаскиваю их на свободное плавание по числомирам, у обоих высокий уровень экстрасенсорики и прекрасные трансперсональные линии, вычислить их не удастся даже ищейкам Владык.

– Что ж, возьму на заметку.

Помолчали, прислушиваясь к далёким шумам города, граница которого вплотную приблизилась к посёлку таунхаусов.

Когда Дмитрий Дмитриевич переезжал в Роторуа двенадцать лет назад, город за лесом на другой стороне озера был почти невидим и неслышен. Однако за истёкшее время он разросся, вырос в высоту, и посёлок Нью-Аотеороа оказался в его черте, сразу потеряв прелесть тихого уголка нетронутой природы.

– Глоток коньячку? – предложил Дмитрий Дмитриевич. – Есть хорошее местное вино.

– Не употребляю, – отказал Таглиб. – Традиция. А вот кофе глотнул бы.

Хозяин повернул голову к приоткрытой двери в дом:

– Ика!

Из темноты гостиной выскользнула смуглая девушка в коричневом платье и белом переднике, сделала книксен.

– Да, господин.

– Два кофе по-маорийски и фрукты.

– Слушаюсь, господин. – Говорила девушка на местном наречии английского, с певучим акцентом.

Таглиб посмотрел ей вслед.

– Маорийка, – сказал Дмитрий Дмитриевич. – Приходится блюсти имидж богатого европейца. Все мои соседи держат прислугу из местного населения.

Через несколько минут девушка вкатила на веранду тележку с расставленным кофейным прибором, орехами и фруктами в вазочках.

Собеседники принялись за кофе. Они никуда не торопились.

– Как ты стал формонавтом? – поинтересовался гость.

Дмитрий Дмитриевич сделал глоток, посмаковал.

– Вообще-то отправной точкой была геометрия... а если вспомнить весь путь... начнём с того, что при рождении меня перетянуло пуповиной и, как рассказала потом бабушка, семь минут я не дышал. Врачи подумали – кранты, но я чудом выжил.

– Хорошее начало.

– Во всяком случае – экстремальное. Рос без отца, сначала с бабушкой и дедушкой, потом с мамой, которая всегда была занята. Как вы знаете, у меня есть брат, но в детстве мы в силу большой разницы в возрасте не очень-то контактировали. Начали лучше понимать друг друга, когда стали взрослыми. Он сейчас живет в Новосибирске, профессор, преподает лингвистику в тамошнем университете. Впрочем, я отвлёкся.

Что вышло из такого моего воспитания – отдельная тема, поэтому в детали обычного детства не вдаюсь, могло быть и хуже. Помню, что в детстве меня долго преследовал сонный паралич – мог запросто уснуть где угодно, хоть на уроке, хоть в трамвае. Потом откуда-то пришло ощущение кого-то невидимого рядом. Это уже когда я стал взрослым, понял, что меня навещал мой «альтернативный родич» из какого-то соседнего Ф-превалитета.

– Из какого?

– Я так и не смог этого узнать. Думаю – откуда-то из Первоцифр, третий или четвёртый.

– Это же легко проверить.

– Вот третий и четвёртый превалитеты мне как раз и недоступны. А это означает, что мои «родичи» в них либо умерли естественным образом, либо...

– Их нейтрализовали Охотники.

– Совершенно верно, дружище, другое объяснение подобрать трудно.

– Сказал бы мне, я бы проверил через своих.

– Уже не имеет смысла проверять, я и сам могу это сделать, внедрив ПСС в любого соседа.

– Так выясни.

– Во-первых, это неэтично, использовать людей без их согласия, во-вторых, – Дмитрий Дмитриевич сморщился под взглядом гостя, – не поверишь – боюсь!

Таглиб кивнул, захрустел орешками.

– Я тебя понимаю. Много лет назад, когда я только начинал путешествовать «по мозгам» своих «родичей», тоже пугался, натываясь на «чёрные дыры» – там, где положено быть сознанию человека. До сих пор не знаю, куда подевались «братья» из доброго десятка числомиров. Одно время даже хотел заняться расследованием, но закрутился и ничего не выяснил. Однако извини, ты начал о своём детстве.

– Да, детство, – вернулся к теме воспоминаний Дмитрий Дмитриевич. – В мои годы была популярна песенка: «Куда уходит детство, в какие города...», хотя в моём понимании детство не уходит от нас никогда, просто изменяется со временем, а умирает лишь со смертью друзей.

– Ты заговорил как лирик.

– А я в душе и есть лирик, несмотря на все математические пристрастия. В детстве я очень боялся смотреть в зеркало, постоянно казалось, что увижу что-то страшное за спиной или то, чего быть не должно. Был пик этого ощущения, когда мне стукнуло двенадцать лет. К маме дальний родственник приехал, летом, я встал поздно, пошёл умываться, глянул в зеркало и обомлел: там какой-то жуткий упырь стоит бородатый! Я побелел, позеленел, слова вымолвить не могу, только мычу. Ну, он понял, что я испугался, маму позвал... но потом я долго вспоминал и видеть его не мог: сяду есть, а он вроде рядом за столом – чёрная фигура, смотрит тяжёлым взглядом.

– Каждый из нас чего-то пугался в детстве.

– Не могу сказать, что я сильно впечатлительная натура, однако отходил долго, подозрительно разглядывал пустые стулья, искал призраков, а смотреться в зеркала до сих пор не люблю. Математика помогла отвлечься, я с шестого класса лица пошёл в математический кружок, увлёкся лингвистикой, геометрией, численавтикой, перестал рефлексировать. Стал собирать многогранники из кусочков древесины и таким образом добрался до формологии. Ну а дальше всё пошло закономерным путём. В тридцать три года я впервые совершил переход в голову «родича» из десятого Ф-превалитета.

– Напугал?

– Больше напугался сам. Мой визави в десятом числом мире оказался очень далёк от математики, там он служит Федеральной системе исполнения наказаний, тоже учёный, профессор, лекции читает в универе, но – по психологии. Он вычислил меня мгновенно, пришлось бежать. Хотя впоследствии я с ним беседовал и во всём признался.

– Мне редко встречались «родичи»-учёные, можно сказать – ни разу, всё больше монахи, религиоведы, торговцы и киллеры. А почему ты увлёкся формологией? А не чем-нибудь менее экзотическим и более экспрессивным? Сейчас столько новых видеоигр рекламируется, да ещё с эйдозэффектами, с эффектами присутствия.

– С детства не увлекался играми, не считая подвижных – футбола и волейбола. Больше читал и мечтал, рисовал хорошо, несколько картин сохранилось акварельных – пейзажи иных планет. Но потом всё заняла математика. В начале века мне довелось увидеть церковь Саграда Фамилия в Испании, куда я попал с отрядом лицеистов. Тогда только-только отменили визы, и все ринулись на экскурсии в Европу. Форма церкви меня так поразила, что я начал искать подобные геометрические экзерсисы в Сети. Мой учитель математики, который вёл кружок, был знаком с академиками Барашниковым и Ломдау, которые разработали иерархию строения Вселенной как геометрический объект, и мне довелось слушать их беседы. Я балдел от раскрывающихся передо мной горизонтов! С колотившимся сердцем воспринимал таинственные термины: теорема Фробениуса... кватернионы... некоммутативные алгебры... финслеровы пространства... До сих пор помню афоризм Кронекера, который привёл в беседе Барашников: «Целые числа созданы Господом Богом, всё остальное – дело трудов человеческих». Кстати, реальная Вселенная действительно может быть объяснена геометрической структурой, так как теория Барашникова-Ломдау точно предсказала семейство бозонов Хиггса, зеркальные фермионы и аксионы – частицы тёмной материи.

– Для меня эта уходящая терминология – тёмный лес, без всякой тёмной материи, – признался Таглиб со слабой улыбкой. – Я не физик и даже не математик, я юрист, и то бывший.

– Не прячься в раковину юриспруденции, – погрозил пальцем Дмитрий Дмитриевич. – Ты не смог бы стать формонавтом, не будучи математиком.

– А вот и ошибаешься, стал. Просто мне достался толковый наставник, передавший мне свой опыт, знания, а главное – эргион. Без этого я был бы никто, юрист либо адвокат, коих в миру пруд пруди.

– Никогда не интересовался: у тебя эргион из камня?

Таглиб достал из кармана небольшую золотистую коробочку, раскрыл.

В коробочке на синей бархатной подстилке лежал сверкнувший зелёными и жёлтыми искрами небольшой, с детский кулачок, многогранник, внутри которого виднелся ещё один, а в нём – совсем крохотный четырёхгранник.

– Змеевик?

– Гелиодор¹.

– Тонкая работа. Прямо-таки произведение искусства! У меня они либо из ясеня и полевого шпата, либо из уральского малахита. Но в глубинах Бездн лучше всего их собирать из металлических штырьков, желательно – из серебра, платины или ниобия. Остальные материалы не годятся, плывут, как пластилин, я пробовал.

– Глубоко?

– Ниже тысячного.

– Я опускался глубже.

– И я бывал глубже, осмелился даже копнуть ворон.

– Что, какой ворон?

– Число десять миллионов по-древнерусски называлось ворон.

– Странные у вас, русских, названия.

– Почему странные? Очень даже естественные, несущие сакральный смысл, точно привязанные к месту или действию. Ворон, к примеру, весьма близок к описанию эффекта взлетающих птиц. Видел когда-нибудь, как взлетает в поле стая ворон?

– Нет.

– Эх, тьма египетская, – сокрушённо качнул головой Дмитрий Дмитриевич, – у вас ведь одни пески да горы, откуда полям взяться со стаями ворон?

– У нас оазисы есть.

– Оазисы – не русские поля. – Дмитрий Дмитриевич вернул увесистый, несмотря на кажущуюся хрупкость, эргион. – Откуда достал гелиодор? Этот камень, по-моему, только в Африке добывают.

– Отец привёз из Намибии, ещё до заварухи с революцией, он там служил какому-то местному князьку. – Таглиб зажал многогранник пальцами, направил, как дуло пистолета, на фарфоровую чашку с кофе. – Пуфф!

Еле заметное колебание воздуха сорвалось с этого «дула», обвило чашку, и та превратилась в прозрачную полусферу.

– Не балуйся, – укоризненно проворчал математик, покосившись на дверь в гостиную. – Не дай бог кто увидит. Обыкновенный человек сочтёт за фокус или за чудо, а соглядатай Владык...

– Извини, – смущённо улыбнулся Таглиб, возвращая чашке прежний вид, – не подумал. Действительно, увидела бы твоя горничная – разговоры бы пошли. Хотя было бы интересно проследить спектр форм чашки.

– Я проверял, у неё всего с десяток геометрических мод, вниз – до порошкообразного состояния, вверх – до формы шара.

– Верхний предел почти для всех предметов – сфера.

– Почему почти?

– Живые объекты...

– Э-э, разумеется, биологические объекты не признают правильной кристаллизации и всегда фрактальны, – перебил гостя хозяин. – Я имел в виду косную материю. Между прочим, я почти уверен, что наша Числовселенная намного сложнее, чем мы думаем, принимая

¹ Разновидность берилла.

за квант перехода единицу. Где-то должны быть реализованы логарифмические миры, линейные, миры на десятичных дробях и даже на мнимых числах.

– Тебе видней.

– Хочу заняться практической проверкой этого постулата. Мне кажется, с помощью неких математических ухищрений можно даже перейти уровень физической реализации невозможных состояний. Ты знаешь, что к числопереходу применим скейлинг как вариант масштабной инвариантности? Прошу прощения за тавтологию.

– Переведи.

– Ну, это манипуляции с вычислениями, главное, что в физическом плане ПСС, то есть наши «летающие души», наши «я», при переходе из мира в мир не изменяются. Даже если изменится форма носителя – человеческое тело. Если бы это было не так, мы в большинстве случаев не смогли бы возвращаться в свои тела теми же, кем были.

– Не задумывался. Кстати, я встречался с нехوميками, вы называете их негуманоидами.

– Вселенная полна жизни во всех мыслимых вариантах. Я встречал негуманоидов даже в близких превалитетах.

– Правда? В каких именно? Загляну при случае.

– В восемьдесят первом, в триста семьдесят первом. В восемьдесят первом, кроме людей, на Земле живут паунданы – разумные кластеры гнуса, а также рои ос. Там вообще жить трудно, да и сама фраза на русском – «восемьдесят один» – в эзотерическом смысле означает «смерть». А в триста семьдесят первом числомире с людьми уживаются разумные птицы, родичи наших киви.

– В эти миры я не заходил. Зато за сотней побывал, наверно, в тысяче других, если не больше. А почему восемьдесят один означает смерть?

– Замена букв цифрами в словах русского языка даёт удивительный результат: не только выявляет дифференциальную числовую характеристику слова, но и раскрывает общий сценарий развития числомира, описанного словом. К примеру, слова «пятьдесят два», – Дмитрий Дмитриевич произнёс это число на русском языке, – несут смысл слова «война», и в самом деле в 52-превалитете идёт глобальная война за выживание. Ты не интересовался числами Леонардо?

– Даже не слышал, что такие существуют.

– Это довольно экзотические числа, задающиеся определённой зависимостью², и порождают они не менее экзотические миры. Так вот в мире-8361 магнитные полюса планеты меняются два раза в год, в результате чего происходит жуткая перетряска материков, сопровождаемая землетрясениями и цунами. И знаешь, каков смысл слов «восемь тысяч триста шестьдесят один»?

– Апокалипсис?

– Катастрофа! Или русское «костовстрёха».

Таглиб рассмеялся.

– Завидую тебе, ты очень увлекающийся тайными знаниями и смыслами человек. Я же в отличие от тебя простой пилигрим, сквоттер, перекасти-поле, любитель экстрима.

– Просто ты не заболел манипуляциями с числами, как я когда-то. От нумерологии к числонавтике, от неё к эзотерической геометрии и к формологии, откуда уже недалеко было и до формонавтики. Хотя к опытам с формами вещей я шёл долгих тридцать с лишним лет.

Таглиб посмотрел на часы.

– Собственно, давай о деле. Надеюсь, ты вызвал меня не для философских бесед?

Дмитрий Дмитриевич посерьёзnel.

² Зависимость выражается дифференциалом с двумя единицами и формулой $L(n-1) + L(n-2) > 1$.

– У меня есть осведомитель в сто одиннадцатом превалитете, близкий к властным и бизнес-кругам.

– Там сидит Прокуратор.

– Первый Админ Владык. Так вот мой человек утверждает, что готовится новый замысел: Владыки собираются ещё раз атаковать Числофильтр – мембрану числоперехода из сотни – в миры Первоцифр.

– Подробности?

– Неизвестны. Замысел существует, как и детальный план прорыва. Так вот, я хочу сделать два дела: первое – добыть этот план, второе – найти переход в Первомир раньше Владык.

– И в первом, и во втором случае ты сильно рискуешь: в первом – жизнью, во втором – свободой. Что практически одно и то же.

– У тебя есть другие варианты?

– Никого не трогать. Тогда и нас не тронут.

– А вот тут ошибаешься, друг мой сердечный! Мы все в чёрных списках на ликвидацию как потенциальные носители угрозы самому существованию Владык. И они всё равно когда-нибудь отдадут приказ отстреливать мешающих, то есть нас. Поэтому у меня просьба, даже две. Ты часто ходишь в Бездны, поспрашивай у своих «родственников», какие там ветры дуют, не появились ли наблюдатели и Охотники.

– Попробую. Что ещё?

– Что касается второй цели – она масштабней и намного сложнее. Я уже думал, каким образом её осуществить, как прорваться в мир Монады и спросить у тамошнего иерарха, кем бы он ни был: почему он отгородил свой мир от наших? Почему допустил само существование Владык? И, кстати, где они обитают, в каких числомирах? Кое-каких Админов мы вычислили, где Владыки? Возможно, существуют какие-то скрытые указания на это, которых мы не видим?

– Вдруг они сидят в Первомирах?

– Нет, они действовали бы иначе. Они где-то в Безднах, но где – я не знаю до сих пор. Если Вселенная разворачивалась с Первомира, с мира Монады-Единицы, то почему тот, кто задавал её законы, допустил развёртку миров Владык? Почему его программа рассчитана и на существование Зла?

– Схоластика, я не верю ни в каких Творцов и существование программ. Ты говоришь, Вселенная началась с Единицы; почему не с Нуля?

– Нуль – не цифра, она источник всех цифр и чисел, это вселенская Потенция, русская Навь, бесконечный Хаос и одновременно бесконечная Гармония. Квантование Яви началось с Первоцифры – с Единицы, где я предполагаю наличие некоего «генератора Первоформ» – формотрона. Возможно, Владыкам нужен именно он, то есть банк данных Творца, первичная Программа, запрещающая таким, как они, менять Первозаконы и подчинять себе всё существующее. Прохориил-999 утверждал, что целью создания Узилища был прорыв в Первомир именно для захвата формотрона. А я ему верю. Но как туда можно попасть, не имея ключа?

– Я пробовал, – признался Таглиб. – И меня вытолкнуло обратно.

– Меня тоже, и неоднократно, – остался серьёзным Дмитрий Дмитриевич. – Меж Первомиром и остальной Числовселенной стоит ещё один фильтр, я бы даже назвал его Число-стеной. Всего их две: первая – между миром Единицы и миром Двойки, вторая – между числомиром-100 и остальными Безднами. Я хочу преодолеть первую «стену». Если через Нуль не пройти – это всё равно, что пройти через Навь, через собственную смерть, то может быть, можно зайти с другого конца? Ведь Нуль и Бесконечность где-то смыкаются?

Таглиб покачал головой:

– Чем глубже Бездны, тем больше риск утонуть в них.

– Вот я и проверю. А тебе, если не вернусь, я хочу поручить своих... учениками назвать их нельзя, скажем, своих последователей. Они скоро будут у меня, и если дождёшься, я вас познакомлю.

– До понедельника я совершенно свободен.

Дмитрий Дмитриевич улыбнулся.

– У меня на родине есть мультфильм, герой которого говорил: до пятницы я совершенно свободен.

– Меня еще никто не сравнивал с героями мультфильма.

– Это классный мультик, тебе бы он понравился. Итак, оружием мы обзавелись, – математик кивнул на коробочку с эргионом, принадлежащую гостю, – надо будет научить моих соотечественников пользоваться им.

– Без проблем. Хотя я не совсем понимаю, зачем тебе понадобилось пробиваться в Первомир. Допустим, ты это сделаешь, что дальше?

– Если формотрон существует, а он существует, судя по признанию Прохориила, я попытаюсь сбросить Владык с их Админами в Бездны без возврата!

– Один? – с сомнением спросил араб.

Дмитрий Дмитриевич обозначил улыбку.

– С божьей помощью. Точнее, с вашей. Пойдёшь со мной?

– А когда я отказывался от экстрима? Мы вместе бегали от Охотников, вместе сражались с ними, а то, что ты не позвал меня в девятьсот девяносто девятый превалитет освободить Узилище, не моя вина.

– Я тебя и не виню, у меня просто не было времени.

Помолчали, взявшись за фрукты – дольки апельсина, ананаса и бананы.

– Дал бы мне что-нибудь почитать про Первомир, – сказал Таглиб. – Чем он так уж отличается от других миров Первоцифр?

– Тем же, чем Единица отличается от других цифр, – сакральным смыслом первозданности. Её не зря выделяли древние астрологи. В хараппском письме она – *og* – «наш», в китайском учении 1 – «звезда воды», юагиры называли Единицу *mo: rgon* – «Единое». Пифагор тоже видел в Единице Единое и называл её Монадой, считая символом плотности и единства. Сен-Мартен³, желая подчеркнуть чисто духовный аспект Единицы, проявляющийся лишь при соприкосновении с другими числами, символизирующими материальные планы бытия, утверждал, что она есть суть Божественный мир, управляемый Одним огнём, Одним солнцем. Вообще это символ активности, первый духовный Принцип, проявляющий явное из непроявленного – нулевого состояния.

Таглиб пустил по лицу морщины, резко подчеркнувшие его возраст: араб был далеко не молод.

– Ты красноречив, как дьявол, желающий заполучить чью-то душу. Только я уже свою продал – за возможность пересечь Бездны и узреть то, что другим недоступно. Казалось бы – столько всего видел, столько узнал! А вот гонит наркотик – жажда нового – по числомирам, и остановиться не могу.

– Я тоже. Только очень часто хочется восстановить справедливость в мирах, где её нет или где её низвели до уровня пыли под ногами.

– Ты таков же, как и все русские, тяга к справедливости у вас в крови.

– Дайте мне возможность знать больше, и я забуду о справедливости.

– Не забудешь, – задумчиво качнул головой араб. – Это зов сердца, а не прихоть. Хотя, если честно, я не всегда тебя понимаю.

На веранде возникла Ика, что-то проворковала на своём языке.

³ Луи Клод де Сен-Мартен (1743–1803) – французский мистик, писавший под псевдонимом «Неизвестный Философ».

Дмитрий Дмитриевич поднялся.

– Посиди пару минут, пришёл налоговый агент, приходится заниматься хозяйственными делами, я его отпущу, и мы пойдём обедать.

Он вышел.

Таглиб дожеввал дольку апельсина, покосился на дверь, наставил коробочку с эргионом на блюдо с фруктами.

– Пуфф!

Знакомое струение поколебало воздух, и блюдо волшебным образом изменилось, превращаясь в идеальную полусферу из матового-белого, с зелёными прожилками стекла.

Изменилась и форма фруктов: апельсиновые дольки стали красными колечками, ломтики ананаса – жёлтыми, а бананы превратились в тёмно-зелёные цилиндрики.

Когда Дмитрий Дмитриевич вернулся через десять минут, гость доедал последний «бананоцилиндр».

Математик подозрительно поглядел на чашу, на рот жующего Таглиба.

– Экспериментировал?

– Не удержался, – конфузливо признался ар-Рахман. – А фрукты обратно форму не возвращают.

– Во-первых, возвращают, хотя и с потерей вкусовых качеств, просто практика нужна. Во-вторых, делать это надо не на виду у людей.

– Кругом никого.

– Разве что. Обедать идём? Или ты наелся фруктов?

Таглиб невольно фыркнул, упруго вскочил, передёрнул плечами.

– На подвиги тянет после разговоров с тобой. Можно и пообедать. Далеко идти?

– Ресторан в пяти минутах езды.

Дмитрий Дмитриевич первым двинулся в глубь гостиной.

Формоспектр

Билеты на самолёт в Новую Зеландию Саблин достал с большим трудом, несмотря на все свои связи. Только благодаря другу из местного сервисобеспечения Аэрофлота два билета на утренний рейс одиннадцатого января из московского аэропорта Шереметьево удалось получить буквально накануне отлёта. Пришлось спешно отпрашиваться у директора Центра экстремального туризма Патрушева, придумав уважительную причину для недельного отсутствия: на всякий случай Саблин увеличил срок командировки, хотя собирался пробыть с Прохором в далёкой островной стране не более трёх суток, – и в пять утра выезжать в аэропорт из Суздаля, надеясь на отсутствие пробок.

Однако успели.

Ученик Саблина Митя Кошкин, двадцатипятилетний ас такси, домчал пассажиров до Шереметьева за три часа, умудрившись ни разу не нарушить правила дорожного движения и не попасть в поле зрения многочисленных телекамер на трассе. Последнее обстоятельство Саблин принял за хорошее предзнаменование: поездка обещала сложиться удачно.

Уже из аэропорта позвонили ДД.

– Дмитрий Дмитриевич, – сказал Прохор виноватым тоном, – до Веллингтона билеты взять не удалось, мы сядем в Окленде.

Веллингтон был столицей Новой Зеландии, и оттуда летали местные самолеты до Роторуа.

– Не беспокойтесь, я вас встречу на машине, – пообещал ДД. – От Роторуа до Окленда не так далеко, да и дороги здесь хорошие. Номер рейса?

Прохор сообщил номер рейса и время прибытия.

– Я встречу, – повторил Бурлюк. – Удачно долететь.

Сели в самолёт, вздохнули с облегчением. Саблин наконец расслабился. По привычке он сканировал передвижение всех людей вокруг и тратил на это достаточно много энергии.

– Юстина не возражала? – поинтересовался он у Прохора, собравшегося устроиться спать; выезжать из Суздаля пришлось в три часа ночи, и математик не выспался.

– Попыталась организовать охрану, – улыбнулся Прохор.

– Правильно мыслит, – одобрительно кивнул Данимир. – Хотя в данном случае VIP-охрана дело весьма обременительное. Да и я рядом.

– Я так ей и сказал. Да и какой я VIP? А что твоя Варвара?

Саблин растянул губы в довольной усмешке.

– Варька у меня человек понимающий. После свадьбы вообще никаких претензий, шёлк и бархат, только переезжать ко мне не хочет. Наверно, мне к ней придётся.

– Переезжай, я же переехал к Юсте.

– Ну и как тебе на новом месте?

– Нормально. Не шёлк и бархат, но жить можно.

– Не всем везёт. Я думаю о переезде, но ещё не решил. Варе двадцать пять, она из поколения «У», впрочем, как и все мы, но семейная жизнь для неё святое.

– Что ты имеешь в виду под поколением «У»?

– Вот те раз, прогуливал лекции по социологии?

– Может, и прогуливал, не помню.

– Об этом феномене заговорили ещё в двенадцатом году. «У» – это молодёжь, для которой работа – уже не тяжкий труд, а развлечение и удовольствие. Вот ты, к примеру, работаешь в своей лаборатории по нужде или в удовольствие?

Прохор подумал, проводив глазами стройненькую бортпроводницу.

– Уж точно не по нужде.

– И я тоже. Так вот эта молодёжь не представляет себе жизни без Интернета и коммуникатора. Ей не нужна даже электронная почта, она и так в любое время на связи – через мобилы, коммуники, соцсети, да и прямой вай-фай повсюду. Для неё и стандартный офис не нужен, сидят в основном по виртуальным кабинетам, то есть по квартирам, и делают дело.

– Я сижу преимущественно в офисе.

– Потому что твоя лаборатория при заводе. Но и ты можешь спокойно сидеть дома и делать те же расчёты.

Проخور снова подумал; было видно, что соображает он с трудом.

– Могу. Я даже не отпрашивался у завлаба, сказал, что пару дней поработаю дома на моделях.

– Вот видишь. Удобно же. Это мне с моими сорвиголовами нужен спортзал, в квартире заниматься тренингом неудобно, а таким, как ты, – проще простого. Нужен начальник – коммуник включил и лицезрей.

– Я не спорю. Хотя не понимаю, почему мы поколение «Y».

– А вот это уже вопрос не ко мне. Есть люди, привыкшие всё расставлять по полочкам, они и придумывают названия процессам и идеям.

– Могли бы назвать поколением «Z».

– Могли, но термин уже существует, и нас никто не спрашивал. В принципе это не важно, мне плевать, как называют нас яйцеголовые, главное, что мы есть и что-то делаем реально, а не сидим в Сети, как большинство юзеров.

– Философ.

– А то.

Самолёт начал разгон, и друзья притихли, глядя в иллюминатор. У обоих мелькнула одна и та же мысль: вернуться бы обратно, – но высказывать её вслух никто из них не решился.

Новенький отечественный М-21 набрал высоту и крейсерскую скорость – девятьсот пятьдесят километров в час. Ему предстояло пересечь евроазиатский материк, совершить посадку в Дели и лишь после этого приземлиться в Новой Зеландии. На весь путь он должен был затратить более двадцати часов.

Проخور сразу уснул.

Саблин почитал свежую прессу, с час слушал музыку через наушник в подлокотнике кресла, просмотрел видеоменю, предлагаемое пассажирам, ничего не выбрал. Боевики и секс-зрелища он не любил, а старых советских фильмов видеотека самолёта не имела.

Можно было побродить по Интернету, благо все современные самолёты были оборудованы компьютерными модулями в спинках впереди стоящих кресел, но Данимир выбрал другой вариант. Подремав под тихий шелест двигателей, он решил посетить «братца» из второго Ф-превалитета – Саблина-2.

«Братец» – второй Саблин, Данияр, бывший совладелец спортклуба «Чемпион» в Суздале-2, в данный момент ехал по улицам Вологды в своей машине; у него был скоростной и стильный «КИА-Вондер».

«О, привет! – услышал его мысленный голос Данимир. – Рад появлению! Или у вас что-то случилось?»

«Летим с Прошей в Новую Зеландию».

«Бежите?»

Данимир мысленно рассмеялся.

«Нас пригласили в гости. В нашем одиннадцатом пока всё спокойно».

«Кто пригласил?»

«ДД, кто же ещё, у него какие-то веские причины встретиться с нами без посредников. А у вас как дела?»

«Тоже всё тихо. Подожди, остановлюсь, а то машин до фига, едут все куда-то, толкаются. – Машина Данияра остановилась у тротуара одной из улиц Вологды. – Вот теперь можно и потрепаться. Мы уже осели, обвологодились, так сказать. Прохор устроился в транспортную корпорацию «Вологда-скорость», знакомые помогли. Здесь тоже строят всякие-разные машины, и опытные математики в почёте. Я могу вообще не работать, так как мой банковский счёт в Суздале даёт стабильный доход, но без дела сидеть не в моих правилах, поэтому ищу занятие по интересам. Предлагают возглавить Спорткомитет губернии. С другой стороны, есть возможность устроиться начальником охраны вологодского филиала РЭС».

«Что такое РЭС?»

«Российские энергетические сети».

«Что выберешь?»

«Спорткомитет – чисто чиновничья работа, а я с чиновниками во власти дружу плохо. Нормальные люди, как ты знаешь, во власть не идут. А охрана тоже не сильно позитивное занятие, так что думаю. А ты всё там же?»

«Тренирую, провожу занятия по экстремальному выживанию, лекции читаю. Директор Центра мужик нормальный, мы с ним ладим, чего бегать с места на место?»

«Платят хорошо?»

«Платят как везде – чтоб не помер с голоду, но мне хватает. Да и Варя зарабатывает неплохо. Не бедствуем».

«Охотники не появлялись?»

«Пока не замечал. Из-за этого, честно говоря, почти каждый день живу по дежа-вю: всё кажется, что уже видел то одного, то другого. Приходится перепроверяться, что напрягает».

«Заметишь что – сообщи».

«Неприменно, ты тоже. Заходи, расскажешь, что от вас хотел ДД».

«Всех благ!»

Саблин выбрался из сознания «брата», вернулся в родное тело.

Самолёт летел над морем облаков на юго-восток, в иллюминаторы светило солнце, пассажиры в основном спали. Читающих или грезивших с очками-консервами видеоофисеров на голове было мало. Прохор тоже спал. Тогда и Данимир опустил спинку сиденья, устроился поудобнее, без особого интереса посмотрел в новостях приключения китайских космонавтов-тайконавтов на Луне и закрыл глаза.

Через несколько минут он уже спал.

* * *

В Окленд прилетели в три часа дня по местному времени.

ДД позвонил, как только колёса лайнера коснулись бетонной полосы, минута в минуту, словно видел посадку:

– Прохор, где вы?

– Сели, – встрепенулся Прохор.

– Я буду на стоянке частного автотранспорта, справа от выхода из терминала прилёта. Синий «Бьюик», номер 131.

– Найдём.

– Очень хорошо, жду.

Через полчаса после посадки Прохор и Саблин в толпе прилетевших вышли из терминала посадки Оклендского аэропорта и, не обращая внимания на таксистов, обещавших доставить их в любую точку острова (это живо напомнило им родные аэропорты), двинулись к огромному полю паркинга частных авто.

Синий «Бьюик» нашёлся быстро, он здесь был такой один: большинство стоящих машин принадлежало японскому автопрому.

ДД, заметив приближающихся соотечественников, выбрался из салона, высокий, плечистый, седой, очень похожий на брата Валентина из Новосибирска, с которым встречался Данимир. У него было длинное благородное лицо с едва заметными морщинами у губ, твёрдый подбородок и яркие серые глаза.

– Приветствую на южном краю света, – сказал он с тонкой иронией, пожимая руки Прохору и Саблину. – Как долетели?

– Выспались, – односложно ответил Данимир.

Щёлкнула дверца, из «Бьюика» вылез смуглолицый, черноволосый, с крупным носом и глазами-сливами мужчина в серо-жёлтом полотняном костюме.

Дмитрий Дмитриевич оглянулся, заговорил по-английски:

– Знакомьтесь, это Таглиб ар-Рахман, житель Саудовской Аравии, умеет то же, что и мы.

Смуглолицый, морща лицо в вежливой улыбке, поклонился.

– Данимир, – дотронулся пальцем до виска Саблин.

– Прохор, – представился Смирнов.

– Садитесь, поехали, – махнул рукой ДД, занимая место водителя.

Житель Саудовской Аравии сел рядом с ним.

Саблин и Прохор устроились на заднем сиденье.

В кабине «Бьюика» пахло кожей и чем-то экзотическим, чему Прохор не сразу подобрал название: скорее всего так пахли местные дороги.

Отъехали от здания аэропорта, по сторонам замелькали квадратики частных участков, снова напомнившие российскую глубинку.

Однополосное шоссе, или моторвей, как здесь называли такие дороги, с зеленоватым покрытием, мало похожим на обычный асфальт, легло впереди змеистой лентой.

Машин на трассе было достаточно, однако ехали все свободно и ровно, не превышая дозволённый порог скорости – сто двадцать километров в час.

Слева и справа замелькали лесные полосы, чистые и ухоженные. Прохор узнал среди деревьев знакомые виды – сосну и кипарис, но больше было незнакомых, то с резной оранжевой листвой, то с диковинными цветами.

– Зеландию посещали? – заметил взгляды пассажиров Дмитрий Дмитриевич.

– Нет, – в один голос ответили оба.

– Новая Зеландия – европейское название, коренные жители называют свою страну Аоте-ароа – Страна длинного белого облака. И названия двух главных островов – тоже не местные. Северный раньше назывался Те Ика-а-Мауи, а Южный – Те Ваи Паунаму. Коренной народ – маорийцы, выходцы из Полинезии, заселили острова в одиннадцатом веке, а европейцы открыли их только в тысяча шестьсот сорок втором году.

У Прохора вертелся на языке вопрос: почему вы переехали именно сюда? – но он так его и не задал.

«Бьюик» поднырнул под каменную стену близкой горы и снова вырвался на равнину. Моторвей слился с таким же шоссе, справа показалось большое строение в форме бамбуковой хижины.

– Старый театр, – сказал Дмитрий Дмитриевич. – Построен почти тридцать лет назад, в две тысячи пятом году. Называется – Telstra Clear Pacific Events Centre.

То слева, то справа замелькали разноцветные домики близких поселений стандартной новозеландской постройки, как пояснил академик: коттедж представлял собой деревянный каркас, обшитый досками под «клинкер» и обложенный кирпичом. Дважды сверкнули в направлении на удалявшийся Окленд высокие стеклянные башни современных многоэтажек.

– Правит балом здесь конституционная монархия, – продолжал ДД, – хотя существует и подобие парламента. Основное народонаселение – маори и мориори, но хватает и белых переселенцев из Европы, и азиатов, в большинстве своём из Китая.

– Китайцы теперь повсюду, – вставил слово Прохор.

– По расчётам демографов, к две тысячи пятидесятому году, то есть всего через двадцать лет, они будут составлять половину населения Земли.

– Чума, – пробормотал Саблин.

ДД услышал.

– Вы правы, белая раса стремительно исчезает, на смену идёт жёлтая, сметающая с пути все остальные этносы. Не спасутся ни исламские народы, ни африканцы. В Зеландии встречаются потомки китайско-маорийских семей, так у них европеоидный тип лица почти без всякой раскосости и жёлтые лица.

Проехали мост через мелкий заливчик с водой грязно-глинистого цвета. Слева показались железная дорога, за которой сверкнули поляроидные крыши роскошных коттеджей.

– Там за коттеджами озеро Ата-те-о-Мари, – сказал ДД. – Место обитания местной знати, из особо богатых. В Новой Зеландии более трёх тысяч пресных озёр, но этого не хватает, и битвы за воду становятся всё яростней. Самые красивые озёра, естественно, уже скуплены.

– Знали бы вы, какие у нас идут войны за воду, – хмыкнул Таглиб; по-английски он говорил чисто.

– Там у них сплошные пустыни, – согласился Дмитрий Дмитриевич, – ютятся в оазисах, нефть заканчивается, спокойная сытая жизнь ушла в прошлое, а население растёт.

Прохор вежливо промолчал. Жизнь в Саудовской Аравии его не интересовала.

– Зато мы первыми построили сеть гелиоэлектростанций, – сказал Таглиб.

– Потому что у вас есть где их ставить. Площадь ваших пустынь в десять раз превышает площадь оазисов.

– Такова реальность.

– Раньше ты говорил – такова воля Аллаха.

– Это одно и то же.

– Скажите, Таглиб, – заговорил Саблин, – вы же наверняка посещали другие числомиры, у них как обстоят дела? Саудовская Аравия других превалитетов отличается от нашей одиннадцатой?

– В превалитетах первой десятки они все близки по параметрам, а глубже – иногда различаются очень сильно. Не везде царствует Саудовская династия, не везде открыта нефть, нередко встречаются Аравии, застывшие в прошлом по укладу жизни и социальным отношениям, но что остаётся постоянным, так это пустыни.

– Я так и подумал.

– В одном из шестизначных Капрекаров⁴, – заметил Дмитрий Дмитриевич, – Саудовской Аравии как отдельного государства не существует вообще. Часть территории занимает Ирак, часть Йемен.

– А с Россией как обстоят дела? – полюбопытствовал Прохор.

– Россия есть везде, – усмехнулся академик. – Разве что территория у неё разная в разных числомирах, да название в глубоких превалитетах иногда режет слух.

– Русь?

– Есть и просто Русь, и Святая Русь, и Орианская Русь, и Россазия, а есть и Бореалда.

– Как? – удивился Прохор.

– Бореалда, очевидно, производное от слова «бореал».

⁴ Числа Капрекара (по имени индийского математика, их открывшего) – самовоспроизводящиеся числа, способные через несколько шагов (итераций) восстанавливать себя.

– Звучит как... Балда.

– Ну, Балда не самое плохое слово в русском языке, у Пушкина это имя нарицательное, означает – умелец, хитрец.

Разговоры постепенно иссякли.

Дмитрий Дмитриевич иногда называл развязки-рандебаунты, городки, мимо которых они проезжали, рассказал о системе энергоснабжения Новой Зеландии, поскольку машина проехала рядом с двумя башнями, похожими на шахты, от которых уходили к горизонту мачты электропередачи и блестящие нитки трубопроводов.

– Геотермальная электростанция. Страна объявила себя безъядерной зоной и атомные генераторы не строит. Зато ищет альтернативные источники энергии.

Через полтора часа езды проехали красивый зелёный лес, холмы, и впереди слева показались торчащие из волнистых песков странные ровные конусы высотой от четырёх до пятнадцати метров, сложенные из слоистых горных пород. ДД сказал:

– Не насыпные, не из фракций – цельнокаменные.

– Искусственные? – поинтересовался Прохор.

– Предполагается – да, искусственные, хотя им миллионы лет.

Вслед за «полем чудес» вдали показались белые колонны новейших многоэтажных зданий.

– Роторуа. Скоро будем дома.

– Вы в самом городе живёте? – спросил Прохор.

– Нет, на окраине, в таунхаусе на берегу озера.

– А почему вы переехали из России именно сюда? – вежливо спросил Саблин, задав вопрос, который интересовал и Прохора.

Дмитрий Дмитриевич какое-то время сосредоточенно смотрел на дорогу. Повернул голову.

– Показалось, что здесь я буду максимально закрыт для Охотников. – Он помолчал. – Но жена не поняла, осталась в России.

Машина свернула с шоссе, сделала разворот под мостом и въехала в незаметно выросшее из леса поселение, состоящее из трёх десятков двухэтажных коттеджей в окружении самых разнообразных деревьев. Блеснула гладь озера, за которым снова показались высотки близкого города.

«Бьюик» ещё раз свернул и остановился у одного из опрятных бело-коричневых зданий, стоящих почти на берегу озера.

– Красиво, – оценил местность Прохор, выйдя из машины и оглядев окрестности. – Состоятельные люди, наверно, живут?

Дмитрий Дмитриевич прищурился.

– Вы меня сразу повысили в социальном статусе.

Прохор порозовел.

– Я не хотел...

– Всё верно, здесь и в самом деле прописалась местная знать: муниципальные чиновники, коммерсанты, политики, владельцы разного рода мелкого бизнеса.

– Бандиты, – тихонько добавил Саблин.

– Не без этого, – согласился хозяин, входя на крылечко и открывая дверь в дом. – Где их нет? Разве что в Антарктиде, да и там скоро появятся. Проходите, Таглиб проводит, а я пока поставлю машину.

Он исчез.

– Идёмте, – сделал приглашающий жест ар-Рахман.

Поднялись на второй этаж, мимо окошка охранника, над которым торчал окуляр небольшой телекамеры.

Таглиб открыл дверь в коридорчик, в тупичках которого виднелись двери, принадлежащие академику и его соседу по этажу.

– Судья муниципального округа Юг, – кивнул он на соседскую дверь – чёрную, металлическую, с крупными золотыми буквами GMJ.

Дверь квартиры самого ДД была бежевого цвета, и на ней сверкали медью инициалы владельца: DDS.

– Дэниэл Д. Семпер, – усмехнулся араб, посмотрев на Саблина и как бы угадав, о чем он думает. – Бывший имиджмейкер премьер-министра Шотландии. Английский джентльмен с русскими корнями.

Гости переглянулись.

– Заходите, – пригласил их Таглиб.

В квартире ДД было семь комнат.

Гостям показали все, и они, умывшись с дороги в небольшом, но прекрасно обставленном бытовом блоке с глубокой ванной, перешли в гостиную, из которой был выход на веранду с видом на озеро. Осмотрели интерьер гостиной, с интересом полюбовались странными скульптурами по углам комнаты и красивым ножом с ажурным сетчатым клинком.

Появился хозяин.

– Ужин готов, гости дорогие, прошу в столовую.

Столовая в жилище академика тоже оказалась небольшой, всего на шесть персон, что говорило о достаточно замкнутом образе жизни «джентльмена с русскими корнями».

Прохора подмывало спросить, один ли живёт Дмитрий Дмитриевич, и если один, то почему? Но он постеснялся задать этот вопрос.

Вокруг стола засуетилась молоденькая смуглолицая девушка в белом переднике.

– Садитесь, откушайте, что местный бог послал, – пошутил Дмитрий Дмитриевич.

Бог послал ему сегодня тушённую в особом кляре рыбу, морские гребешки и водоросли по-маорийски, со специями, а также пасту и пиццу.

– Итальянская кухня здесь в почёте, – сконфуженно заметил академик, – хотя итальянских диаспор не обнаружено, в отличие от китайских и корейских.

Принялись за еду, обнаружив у себя зверский аппетит.

Всё было приготовлено вкусно, рыба таяла во рту, и Прохор с удовольствием съел две порции.

ДД ни вина, ни пива, ни другого алкоголя не предложил, из чего можно было сделать вывод, что формонавт-академик – трезвенник. Однако всё оказалось прозаичней.

– Вина не предложил по той причине, – сказал Дмитрий Дмитриевич, словно подслушав мысли Прохора, – что мы займёмся важными делами, которые требуют трезвой головы.

Трапеза закончилась самым обыкновенным чаепитием. Правда, в чай были добавлены какие-то травы, но вкус напитка от этого не проиграл.

– Прошу в рабочий кабинет. – Хозяин повёл гостей за собой.

Кабинет ДД больше походил на музей геометрических фигур.

Прохор и сам мастерил многогранники и композиции из геометрических модулей, но такого разнообразия форм и представить не мог.

– Инфобиотоны, – оглядел стеллажи с десятками образцов на полках Саблин.

– Не только, – возразил Дмитрий Дмитриевич.

Данимир подошёл к стеклянному шкафу, где на полках лежали отсверкивающие полированными гранями рукотворные кристаллические друзы.

– Ого, малахит? А это, кажется, халцедон... изумруд... нет?

– Изумруд в том числе.

– Не боитесь, что залезут воры?

– Во-первых, воров здесь намного меньше, чем в России, можно сказать, практически и нет. Во-вторых, и дом, и посёлок хорошо охраняются. Присаживайтесь, я хочу прочитать вам небольшую лекцию.

Проход, заинтересованный формой висящих на нитях под потолком ажурных многогранников, подошёл к одному из них.

– Пентагон...

– Совершенно верно, – кивнул ДД. – Пять тетраэдров, сплетённых в единую суперпозицию. Красивая, но практически бесполезная вещь. Зато вот этот шедевр, – академик указал на отдельно висящий многогранник, – арахнон, сплетён из четырёх пар коленчатых деревянных спиралей, вершины которых при соединении в композицию располагаются в вершинах внутреннего октаэдра. Весьма энергетичен. Поднесите ладонь.

Проход протянул руку к удивительной конструкции и уловил лёгкое дуновение.

– Тепло...

– Он структурирует континуум, что ощущают только особо чувствительные личности. У вас хорошая экстрасенсорика. Но к делу.

Саблин и Проход сели на обычные пластиковые стулья вокруг стола, столешница которого напоминала кружевной кленовый лист.

Таглиб сел поодаль, на маленький кожаный диванчик, словно подчёркивая, что он здесь тоже гость.

– Лекция небольшая, на пять минут, – начал Дмитрий Дмитриевич, выкладывая на стол красную бархатную коробочку, в каких обычно хранятся ювелирные украшения. – Вы прошли неплохую школу, научились прыгать по числомирам и даже добивались до Пункта Пограничного Контроля, резиденции Глыбы.

– Передающего Приказы, – пробормотал Саблин.

– Я там не был, – виновато сказал Проход.

– Между прочим, Глыбы больше нет, – сказал ДД с усмешкой. – После нашего визита этот разумный кластер термитов так и не сумел восстановить суммарную личность. Его в ППК заменил другой монстр. Хотя и нового Передающего Приказы тоже называют Глыбой. Но не будем отвлекаться. Разговор пойдёт о форме и о формах. Возможно, вы это знаете, но я повторюсь.

– Я давал ему читать материалы по формологии и числонавтике, – указал Проход подбородком на Саблина. – Азы геометрии он знает.

– Не выдавай желаемое за действительное, – улыбнулся Саблин.

– Это легко восполняется, если захотите, я дам дополнительные материалы, – пообещал ДД. – Итак, о главном. Прежде всего надо знать, что форма – такой же базовый элемент существования материи, как и число. По сути, это предпосылка Бытия во всей его полноте, лишь потом появляется движение материи, ощущаемое нами как время. Есть формы геометрические, – ДД указал рукой на висящие многогранники, – есть физические, то есть суть процессы, есть социальные, семантические, лингвистические и так далее. Но мы будем говорить сегодня не о формах Бытия, а о геометрических формах и их свойствах. Вам, Проход Кириллович, воспринять эзотерический смысл форм будет проще, вы математик, а вам, – ДД перевёл взгляд на Саблина, – потруднее.

– Ничего, справлюсь, – спокойно ответил Данимир. – Алгоритм числоперехода я постиг, пойму и ваши формы. Непостижимых вещей не существует. – Он подумал, улыбнулся. – Если не считать теорию суперструн.

– Согласен, – улыбнулся в ответ Дмитрий Дмитриевич. – Хотя с этим придётся повоювать.

– Главное при этом – поставить цель, – добавил Таглиб корректно. – Мой учитель говорил: если то, что ты делаешь, трудно тебе, подумай, нужно ли это тебе.

– Я всегда ставлю цель.

– Вы считаете, вам знание формологии необходимо? – В голосе араба прозвучала ирония. – Ведь вы мастер рукопашного боя, а не математик.

– Ещё не уверен, – пожал плечами Саблин, не повышая тона.

– Тогда зачем вы решили заниматься экстремальной беготнёй по числомирам?

– Он меня спасал, – хмуро сказал Прохор.

Дмитрий Дмитриевич посмотрел на обоих, перевёл взгляд на Таглиба.

– Я же говорил, у этих парней большое будущее. Но продолжим, судари мои. Как вы уже знаете, каждой геометрической фигурой управляет своя цифра или число. Как говорил Мандельброт: «Бог не создавал целых чисел, он создал непрерывное поле действительных чисел, а всё остальное – работа уравнений Шрёдингера». Надо объяснять?

– Нет, – сказал Прохор.

– Надо, – сказал Данимир.

– Я тебе потом всё объясню.

– Первичные цифрорезонансы – от единицы до десятки, – продолжал Дмитрий Дмитриевич, – абсолютны и дают реальный плотный материальный спектр, остальные – менее плотный – по мере увеличения числа, хотя и там, в глубинах Бездн, встречаются квазиустойчивые комбинации. Теперь о том, чего вы не знаете. Многообразие всех форм одного и того же материального тела образует плотное непрерывное множество или, если хотите, ещё одно измерение – Ф. Для каждого объекта – свой спектр, в котором этот объект может существовать на физическом уровне, практически не меняя внутренних качеств. Если цифры структурируют всё пространство, весь физический континуум, то формы – лишь локальное пространство объекта.

– Формология об этом говорит скупое, – заметил Прохор скептически. – Может быть, вам известны какие-то секретные материалы?

– Всё, что может стать оружием, всегда секретится, – философски заметил Таглиб, сцепив пальцы на животе и разглядывая гостей. Судя по всему, арабу явно было интересно наблюдать за их реакцией.

– Каким образом информация о спектре форм может стать оружием? – тем же скептическим тоном осведомился Прохор.

Дмитрий Дмитриевич открыл коробочку, извлёк совсем небольшую друзу кристаллов серебристого и зеленоватого цвета.

– Узнаёте?

– Эргион? – присмотрел Прохор.

– Копия меркабы, «цветка жизни». Ну или, по-нашему, граничный эргион, с помощью которого мы переходим из числомира в числомир. Он структурирует пространство таким образом, что квантово-статистические процессы становятся направленными. Стоит только подтолкнуть их в нужном направлении мыслеволевым усилием, возбудить спусковой механизм.

Прохор наморщил лоб, посмотрел на Саблина, ответившего ему заинтересованно-недоумённым взглядом.

– Вы хотите сказать...

– Показать.

Дмитрий Дмитриевич вынул из ящика стола прозрачный стеклянный шар величиной с кулак, утвердил на квадратной пластиковой подставке.

– Это сфера. Теперь смотрите. – Он зажал эргион пальцами, направил на шар.

Почти невидимое облачко струения воздуха, похожее на струйку знойного марева над нагретым асфальтом, слетело с руки ДД и обняло шар. И Прохор натурально вытаращил глаза: в течение секунды шар превратился в прозрачный куб!

Изменилась и подставка, стала выше, хотя и сохранила форму.

– Вы...

– Я продемонстрировал вам новое свойство эргиона, – улыбнулся Дмитрий Дмитриевич, довольный эффектом. – Оно заключается в инициации формоперехода по оси Φ , как я это называю. Эргион-меркаба в данном случае становится формотроном.

– Никогда бы не подумал...

– Что такое возможно? Вы просто не смотрели в эту сторону, принимая эргион лишь за средство выхода за пределы физического тела. Между тем меркаба всегда являлась символом сакральной геометрии, способным изменять мир вокруг. Древние волхвы и колдуны знали её свойства и применяли по назначению.

– В Сети ничего об этом не упоминается...

– Интернет – далеко не лучший способ добычи информации, – покачал головой Таглиб. – Есть множество других источников: архивы, банки данных спецслужб, засекреченное эзотерическое наследие, живые хранители традиций и опыта предков, в конце концов. Стоит только копнуть.

– Как? – встрепенулся Саблин.

– Захотите – мы вам поможем, – сказал ДД. – А начать можно с изучения сакральной геометрии и символики. Он уже прошёл этот этап, – академик кивнул на Прохора, не сводившего глаз с прозрачного куба, только что бывшего шаром, – вы освоите азы практической формологии быстрее.

– Как будто освоил уже.

– Это вам так кажется, спектр применения инфобиотонов и эргионов намного шире.

– Но вы собирались куда-то в... – очнулся Прохор.

– В Бездны. Мой друг и соратник будет поддерживать с вами связь и давать рекомендации. Да и я буду изредка навещать одиннадцатый превалитет.

Таглиб кивнул.

– Всегда к вашим услугам.

– Как вы это делаете? – показал на бывший шар Прохор.

– Прогони им весь спектр, – посоветовал араб.

– У этого предмета формоспектр не широк, – сказал Дмитрий Дмитриевич. – Он вмещает всего пять-шесть формофаз, из которых крайняя – диффузная.

– Какая?

– Чисто молекулярная взвесь, стеклянная пыль, материал, из которого был выплавлен шар.

ДД снова направил эргион на куб.

Новое струение воздуха обняло стеклянное изделие.

Подставка под кубом рассыпалась в пыль, а сам он превратился в красивую пирамидку, но не прозрачную, а снежно-белую.

– Тетраэдр? – жадно придвинулся к столу Прохор. – Насколько я понимаю, это начало формоспектра?

– Совершенно верно, дальше по оси Φ тетраэдр превратится в плоскость атомарной толщины и сразу же рассыплется, но экспериментировать с этим не стоит, плоскость пересечёт всё пространство комнаты, а то и всего дома, пронзит стены и всех его живых обитателей, в том числе нас. Понимаете?

– Нет.

– Не уверен, что эта плоскость разрежет нас как острая бритва, однако лучше не рисковать.

– Вы предполагаете, что плоскость разрежет... э-э, все предметы, или уже испытали подобное? – поинтересовался практичный Саблин.

Дмитрий Дмитриевич заколебался, взвешивая ответ, потом признался с улыбкой:

– Первый раз, когда это произошло, я испытал шок. Хорошо, что предмет был мал.

– Шар?

– Сосновая шишка. Во второй раз это был кирпич, и я заранее подготовился.

– Что произошло?

– Атомарная плоскость кирпича пронизала полдеревни, правда, ночью и на уровне чердака дома. Было это в России, на моей родине. Короче, риск существует. – ДД посмотрел на тетраэдр, продолжая держать эргион пальцами, и пирамидка, похожая на кусок сахара безупречной формы, превратилась сначала в куб, потом в додекаэдр, в многогранник с большим количеством граней, ещё в один и, наконец, в шар.

– Похоже, это всё. Дальше шар теряет молекулярные связи и распадается на молекулы, восстановить его уже не удастся.

– Почему?

– Потому что молекулы теряют связывающую их в материальный объект силу.

– А как изменяются живые тела? – хмыкнул Саблин.

– Это интереснее всего, – засмеялся Дмитрий Дмитриевич. – Можно заниматься экспериментами бесконечно, форма получающихся объектов иногда поражает. Я вам покажу. Но тренироваться мы начнём с простых – не живых – предметов. Если научитесь мысленным рапортом изменять форму вещей, получите и защиту, и оружие, и даже возможность внедрять свою ПСС в посторонние тела.

– Как это делают Охотники, – добавил Таглиб.

– Начнём! – загорелся Прохор.

– Завтра, – отрезал академик, – на свежую голову.

Прохор хотел возразить, что он совсем не устал и голова у него не тяжёлая, но посмотрел на отвердевшее лицо хозяина и сдержался.

– Хорошо, как скажете.

– А почему Охотники не применяли эргионы, – заговорил Саблин, – когда гонялись за нами?

– Во-первых, Охотники на самом деле не живые биологические объекты, а особого рода программы, способные вселяться в любое существо. Они не носят эргионы, так как сами являются овеществлёнными алгоритмами числоперехода. В Пункте Пограничного Контроля хранятся их базовые меркабы, которые нам и удалось захватить. Во-вторых, у них нет функций формотрансформации, иначе они давно оставили бы след в истории человечества и наломали бы немало дров, что Владыкам невыгодно.

– Но они были живыми в Пункте Контроля.

– Их драконьи тела, а по сути – скафандры, выращены искусственным путём по образу и подобию рептилий, живущих в иных мирах.

– Теперь понятно.

– Идёмте, покажу ваши спальни, – поднялся Дмитрий Дмитриевич.

Гости последовали за ним.

Таглиб остался сидеть на диване, сцепив руки на животе, посмотрел на дверь, на прозрачный шар, наставил на него палец и сказал:

– Пу!

Шар беззвучно осел облачком прозрачно-белой пыли.

Третий

Прежде чем делать какие-нибудь выводы, ставить диагноз и начинать лечить больного, он внимательно изучал историю болезни, а главное – сканировал человека на ментально-энергетическом уровне, выявляя патологические «свечения», которые определяли болезнь точнее, чем медицинская диагностическая аппаратура, и лишь потом дополнительно обращался к своему опыту и медицинским знаниям. Именно поэтому пациенты Прохора Смирновского, окончившего Суздальский медицинский институт в две тысячи двадцать пятом году, выздоравливали почти втрое чаще, чем у других врачей. Хотя лечил он не простые болезни уха, горла и носа, а связанные с тяжёлыми наследственными заболеваниями, типа «синдрома Аспергера»⁵ или «маниакально-депрессивный синдрома».

Утро среды четырнадцатого января началось как обычно.

Прохор встал рано, помахал руками, поприседал, обозначая нечто вроде разминки-зарядки (спортом он не занимался, но держать себя в хорошей физической форме привык с детства), позавтракал в одиночестве. Жена Степанида отдыхала с подругами на лыжных курортах Австрии, он же вырваться к ней не смог из-за наплыва пациентов, но обещал приехать в Майрхофен на выходные, о чём мечтал давно.

В девять утра он уже был в поликлинике на улице Гоголя, где располагалась Суздальская центральная районная больница, известная не только отменным обхождением с больными и современным оборудованием, но и врачами с мировыми именами, среди которых было немало докторов наук и медицинских светил.

Прохор Кириллович Смирновский тоже считался доктором экстра-класса, и записывались к нему на приём за месяц вперёд, а то и за два.

В этот день запись составила восемнадцать человек, больше, чем в любой другой день недели.

Не успею, подумал он с сожалением, оценив очередь. Кто же это умудрился вписать мне столько больных?

– Александра Григорьевна, откуда набралось восемнадцать человек? – спросил он у медсестры, усаживаясь за стол приёма в кабинете.

Средних лет белокурая медсестра со строгим мужеподобным лицом виновато улыбнулась.

– Так ведь шестеро – это от главного, он передал список вчера, когда вы уже ушли, Прохор Кириллович, и попросил принять их сегодня до обеда. Я вписала двоих до обеда, остальных после.

– Главный просил? Странно, что он мне не позвонил.

– Я думала, вы знаете.

– Ладно, Александра Григорьевна, разберёмся, начинаем приём. Сколько успею, столько и приму.

Медсестра нажала клавишу интеркома и вызвала первого больного.

До обеда удалось отпустить пять человек. Двое из них постоянно видели странные сны, и Прохор невольно вспомнил свой недавний сон, списанный им на взволнованное состояние после просмотра на ночь фантастического ужастика о пришельцах.

Ему приснилось, что в голове поселился некий бесплотный «дух», показавший ему картины жизни в параллельных мирах и предложивший в обмен на невысказанные ощущения сотрудничество с какими-то Владыками.

⁵ Синдром Аспергера – лёгкая форма аутизма.

Прохор был человеком твёрдых убеждений, уравновешенный и не поддающийся панике, в мистику не верил и вселение «духа» воспринял как попытку собственного воображения выстроить «виртуальную реальность». Поэтому гостя он беспощадно изгнал из сна и вообще из сознания, после чего спокойно проспал до утра, не видя больше никаких снов.

Наутро он проанализировал запомнившиеся сновидения и окончательно утвердил внутри себя железный порядок, базирующийся на неколебимости нервной системы.

Отпустив пятого пациента, Прохор дошёл до списка, рекомендованного главным врачом больницы, и понял, что не справляется с потоком. Работать оставалось четыре часа, а пациентов было слишком много.

– Александра Григорьевна, вызовите шестого и идите обедайте, а я пока приму парочку человек.

– Да как же без обеда? – расстроилась медсестра. – Неправильно это, отдохнуть надо.

– Дома отдохну, вызывайте и идите.

Медсестра вызвала очередного пациента и ушла.

В кабинет заглянули сразу двое мужчин: пожилой, с залысинами, с абсолютно равнодушным, болезненным, неподвижным лицом, и помоложе, чернявый, с усиками и длинными волосами до плеч.

– Я принимаю по одному, – сказал Прохор.

– Мы вместе, – проблеял усатый, блеснув тусклыми желтоватыми глазами. – Я его сын.

– Сергей Минаевич Быков? – посмотрел на список Прохор.

– Он.

«Синдром Мёбиуса⁶, – прочитал Прохор, – заболел месяц назад. Жалуется на слабость и плохой сон».

– Присаживайтесь.

Гости переглянулись. В глазах обоих зажглось странное выражение: презрительное нетерпение, торжество и некое понимание ситуации, недоступной собеседнику.

Пожилый сел на стул, пристально разглядывая врача.

– Рассказывайте, – попросил Прохор, одновременно начиная сканировать энергетику старшего Быкова, и внезапно обнаружил у него не ауру, а странное серое облачко с чёрной дырой в центре.

С синдромом Мёбиуса Прохор уже встречался и знал, как выглядит аура больного при этом заболевании. Но то, что он увидел, было абсолютно не похоже на «нормальное синдромное свечение».

– Как вы себя чувствуете? – заволновался Прохор.

– Нормально, – неожиданным дискантом заговорил пожилой.

– Только часто видит жуткие сны, – растянул узкие губы в неприятной усмешке его сын. – Вас не беспокоят странные сны?

Прохор внимательно посмотрел на него. По спине пробежал ручеёк холода.

– Вы о чём?

– Мы к вам заходили недавно, – сказал пожилой Быков, не меняя выражения лица, но на сей раз гортанным голосом, от которого у Прохора снова побежали по спине холодные мурашки; голос показался знакомым.

– Когда? – постарался он сохранить невозмутимое выражение.

– Пару дней назад, не помните?

– Н-нет.

– Мы передали вам предложение Владык.

⁶ Синдром Мёбиуса – при этой болезни у больного отсутствует мимика из-за неправильного развития черепа и паралича лицевого нерва. Лицо превращается в маску, больные часто не могут даже глотать пищу.

Проход вздрогнул.

Голос пожилого пациента не зря показался ему знакомым, точно таким же голосом разговаривал с ним «дух», посетивший его во сне.

– Вы... со мной... как?! Не может быть!

– Может, – хихикнул Быков-младший. – Древние технологии работают не хуже современных.

– Заткнись! – бросил Быков-старший.

– Уже.

– Мы к вам с тем же предложением, – продолжал Быков гортанно-скрипучим голосом. – Отнеситесь к нему серьёзно.

– Если гора не идёт к Магомету, – снова развеселился спутник пожилого, совсем не похожий на его сына, – на хрен такой Магомет!

– Чакквакк! – рявкнул Быков-старший. – Второй!

Длинноволосый поднял впереди себя ладони, шутовски поклонился.

– Всё, умолкаю, Первый.

Глаза Быкова-старшего метнули молнии, но продолжать перепалку он не стал, вперил посветлевшие до ледяного блеска глаза в Прохора.

– Есть возможность войти в историю, доктор. Владыки очень хорошо платят. Если вы согласитесь добровольно исполнить их просьбу, получите возможность самому стать Владыкой.

– Всего и надо-то – сделать шаг в соседний числомир, – сплюнул младший Быков.

Старший посмотрел на него недовольно.

Проход опомнился.

– Не понимаю вас. Кто такие Владыки? Чего хотят? Зачем мне нужно делать какой-то шаг куда-то? Может быть, вы ошиблись кабинетом, и вам нужен... э-э... совсем другой специалист? Я лечу нервно-паралитические синдромы.

– Он думает, что мы шизики, – скривил губы длиноволосый.

– Говорите ясней, – выпрямился Проход. – Кто вы?

– Посланцы Владык. Ну или их личных представителей, Админов.

– Почему они сами не попросили меня помочь?

Посетители переглянулись. Младший заржал.

– Представляю эту картину! Прокуратор лично приходит к этому лоху на приём! Ой, умора! Убиться веником!

– Второй!

– Молчу, как рыба об айсберг! – Длинноволосый с трудом унял смех.

– Не понимаю вашего веселья, – сухо сказал Проход. – Или говорите всё, без намёков, или освободите кабинет.

– Щас! – развёл руки в стороны и шаркнул ножкой длиноволосый.

– Вам будет всё доложено в своё время, главное, чтобы вы добровольно... м-м... согласились работать с нами.

– Говорите сейчас! – упёрся Проход.

– Вы не понимаете...

– Освободите помещение!

– Я говорил, что он тупой лекаришка? – ощерился молодой. – Говорил. Говорил, что он не пойдёт на сделку? Говорил. Это третий превалитет, они здесь все такие... честные и совестливые. Предлагаю нейтрализовать и не мучиться. У нас ещё есть резерв.

– Он ближе всех к Стене.

– Ближе всех к Стене второй.

– Второй недоступен, ты умного не строй.

– Ничего, найдём подход.

– Ты, что ли, будешь искать?

– У нас есть Глыба.

– Вы о чём? – спросил Прохор изумлённо, переводя взгляд с одного посетителя на другого. – Что за спектакль? Кто вы такие? Почему так ведёте себя?! Немедленно...

Оба посетителя одновременно посмотрели на доктора, в их глазах зажглось злое волчье пламя.

Прохор открыл рот, собираясь указать странным людям на дверь, но сознание его поплыло, дробясь на ручейки, и тихо погасло...

Лиха беда начало

Возвращались домой полные впечатлений.

Проведённые в гостях у ДД два дня оказались насыщенной, а главное – интересней прожитого в Суздале полугода после боя в Узилище.

Проняло даже сдержанного и уравновешенного Саблина, редко поддающегося эмоциям.

– Кошмар Фрейда, а не поездка! – сказал он, когда Прохор и Данимир сели в самолёт.

– Кошмар Фрейда вообще-то – фаллос Клейна⁷, как любит говорить наш завлаб, – рассеянно ответил Прохор, закрывая глаза. Он устал, но не столько физически, сколько психологически, потому что за истёкшие два дня пришлось прокачать через себя гигантское количество информации и новых определений. Зато они теперь умели делать почти то же, что и ДД с Таглибом, – изменять форму окружающих предметов мысленно-волевым усилием.

Самолёт взлетел.

– Не спи, – потряс локоть Прохора Саблин.

– Я не сплю, я просто моргаю с задержкой, – пробормотал Прохор.

– Ну, моргай. Как ты думаешь, этот наш опыт пригодится?

– Надо тренироваться.

– Я не о том. Мы теперь сможем отбиться от Охотников?

– Наверно... ДД же смог. А опыт – дело наживное.

– Ну да, смотря какой опыт. Ищешь по жизни счастье, а приобретаешь тот самый опыт.

Иной раз кажется: вот оно, счастье! Ан нет, снова опыт.

Прохор открыл глаза, посмотрел на задумчивое лицо друга.

– Ты всё больше становишься философом.

– Жизнь заставляет, однако. Я всё больше становлюсь циником. Особенно после разговоров с ДД.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты заговорил с ним о мировом правительстве, помнишь?

– Ну и что?

– Тошно стало. По сути, мировая закулиса – это проросшая сквозь всю Числовселенную система Владык. Послушаешь академика – все превалятеты находятся под их контролем.

– Не все, но всё больше и больше. В нашем одиннадцатом числомире существует своё мировое правительство, организованное из денежных мешков Ротшильдов, Морганов, масонских орденов, иллюминатов и жрецов. Почитай Дэвида Айка, Сидорова, Чудинова, всё поймёшь. Но и оно, наше доморощенное мировое закулисье, подчиняется системе Владык. По сути, именно они с помощью своих холуёв создали теневую надгосударственную структуру, использующую все существующие методы подчинения людей, от ракет и ядерных бомб до нанотехнологий и психотроники.

– Зачем это им надо?

– Детский вопрос. Террор и психофашизм нужен Владыкам для установления нового абсолютного мирового порядка, создания Всемирного тоталитарного режима.

– Опять же – зачем?

– Чтобы выкачивать из биологической массы, до состояния которой они скоро доведут человечество, энергию, энергию и ещё раз энергию и наслаждаться процессом. Элиту Запада Владыки уже подчинили в большинстве миров.

– И в первоцифрах?

⁷ Известна так называемая бутылка Клейна – модель «двумерного объёма» или двумерное дифференцируемое неориентированное многообразие.

– За первоцифры я не уверен, ДД как-то проговорился, что от десятки остальные числомиры отделяет некий фильтр или мембрана, не пускающая лживых пророков, но на эту тему мы всерьёз не говорили. Хотя процесс идёт, недаром ДД хочет дойти до первого Ф-превалитета и поставить между ним и другими числомирами более плотную Стену.

– Не понимаю, что он имеет в виду. Взял бы нас с собой.

– Мы ещё не созрели. Да и Юстина меня никуда не отпустит, она и так настрадалась, меня выручая.

Саблин замолчал, глядя в иллюминатор.

Самолёт поднялся над островом на шесть километров, поднялся ещё выше, до десяти, и под ним засияло в лучах солнца сплошное пенное море облаков.

– Ты спрашивал, есть ли в первом превалитете твой родич, Прохор-первый?

– Спрашивал, ДД не знает. Я туда проскользнуть не смог, выталкивало, как пробку из воды.

– Меня тоже, – признался Саблин со вздохом. – Что же там происходит, в мире Единицы?

– ДД сказал, что там стоит генератор развёртки программ для всей Числовселенной. Он назвал его формотроном.

– Интересно, что собой представляет этот формотрон?

– Спроси чего-нибудь полегче.

Саблин откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Прохор ещё какое-то время смотрел на сверкающие громады облаков, потом включил новостной канал ТВ.

Показывали западные новости, в том числе самые нелепые шоу мира.

Прохор с отвращением посмотрел, как японцы, обладающие весьма специфическим чувством юмора, покатываются со смеху, наблюдая за тем, как их соотечественники-тяжеловесы лупят друг друга лампами дневного света. Первые удары они держали нормально, однако затем появились царапины, от бойцов полетели брызги крови, на лицах появились рваные раны, что вызвало у зрителей новые приступы смеха.

Прохор переключил канал.

Немцы осчастливили зрителей программой «Sperm Race»⁸, в которой половые клетки двенадцати участников состязались в скорости, а телекамеру заменили в решающий момент на электронный микроскоп. Призом для победителя стал автомобиль «Порше».

Следующая программа была создана в Голландии и называлась «Spuiten and Slikken», в очень мягком варианте перевода звучащая как «Испытай наслаждение и проглоти». Вся программа состояла из натурального секса и употребления наркотиков.

Прохору стало окончательно противно, и он выключил канал.

Саблин открыл глаза.

– Порно смотришь?

– Случайно попал. Полный бред! Везде порок, грязь, секс, дрянь, и при этом рейтинги передач просто зашкаливают!

– Это же гнилой Запад.

– А у нас не то же самое? Со всех каналов льётся всё та же грязь, насилие, блядство, светлых передач всё меньше, что достаётся детям? Да та же грязь!

– Тебе бы в ювенальной юстиции работать.

– А ювенальная юстиция не развращает детей, поддерживая в них комплексы вседозволенности и ультраправые догмы демократии? Сколько процессов уже прошло в этой области отношений? Сколько детей отобрали у семей? Семьи рушатся одна за другой.

⁸ «Гонки сперматозоидов».

– Это ты к чему? Боишься, что ваши с Юстиной дети тоже когда-нибудь вас засудят, если вы их не накормите вовремя?

– До наших детей дожить надо, но проблема растёт, скоро в мире вообще не останется института семьи, ячейки общества, образуется инертная размножающаяся биомасса.

– Об этом и ДД говорил. Кстати, Юсте расскажем о нашем опыте?

– Обязательно, она должна знать всё. Прилетим, обсудим планы и начнём тренироваться.

– Где?

– Дома, где же ещё.

– Я бы предложил уехать в какую-нибудь деревеньку, подальше от любопытных глаз, чтобы нас никто не увидел.

– Можно к Петяне в Клирово.

– Нет, там слишком много свидетелей, разговоры пойдут.

– Хорошо, поищем.

– И ещё момент: ДД не зря наставлял в других числомирах эргионы, нам они тоже могут понадобиться.

– Хорошая идея, обязательно сделаем. ДД говорил, что можно научиться внедряться в других людей, в животных и даже в неживые предметы.

– Для этого надо обладать сверхконцентрацией воли.

– Давай попробуем.

– А если застрянем в каком-нибудь стуле? Или в футбольном мяче? Нет, тренироваться надо под наблюдением опытного формонавта. ДД вернётся, попросим помочь.

Саблин замолчал.

Прохор посмотрел ещё пару минут, как в экране очередные участники шоу «Все вместе» перетаскивают в зубах гигантских тараканов, мокриц и скорпионов – от участника к участнику, передавая насекомых через специальные окошки, и выключил ТВ. В сознании таяли горечь и сожаление, что обыватели увлекаются такими грязными в моральном и этическом плане играми, которые для них выдумывают специальные команды творцов «грязного удовольствия», служащих Мировому Правительству и ещё дальше – Владыкам Бездн.

В Москву прилетели в одиннадцать часов утра.

Саблин ещё из Новой Зеландии сделал звонок другу, и возле шереметьевского терминала «D» путешественников ждал чёрный «Мерседес» с флажком на капоте. Машина принадлежала депутату Суздальской Думы Пашичу, а Пашич ходил к Саблину тренироваться и никогда не отказывался помочь.

В начале второго Саблин завёз Прохора домой и пообещал навестить вечером.

– Решу проблему места тренировочного лагеря, и завтра же махнём в деревню, всё равно впереди суббота-воскресенье, и на работу идти не надо.

– Давай, – без энтузиазма ответил уставший за время перелёта Прохор.

Юстины дома не оказалось. Зря не позвонил, расстроился он, представляя, как целует её в губы.

Однако едва он разделся и начал распаковывать вещи, зазвонил мобильный.

– Ты где? – раздался в наушнике строгий голос подруги.

– Дома, не хотел тебя беспокоить.

– Я так и знала, что ты себе это позволишь. Мойся с дороги, буду минут через сорок.

Прохор разулыбался, начал стаскивать с себя брюки, нащупал в кармане эргион. Достал, полюбовался, зажал пальцами. ДД уверял, что можно будет обходиться и без демонстрации самого инфобиотона, удерживая его в памяти, но начинать надо было с простого, и усложнять задачу он не стал.

Поискал глазами ближайший домашний предмет, который было не жалко трансформировать, остановил взгляд на пустом флаконе из-под крема для лица, стоявшем на полке в душевой, направил эргион на него.

– Кх!

Флакон пронзила струя нагретого воздуха, и он превратился в простой прозрачный цилиндр, напоминавший узкий стакан.

– Ага, – сказал Прохор с облегчением. – Это левый конец спектра. Дальше, наверно, будут куб и тетраэдр. А правее?

Новое струение обняло бывший флакон, и он послушно изменил форму, превращаясь в прозрачное многогранное яйцо с дырочкой на узком торце.

Прохор хмыкнул, разглядывая своё творение, посчитал грани: их оказалось двенадцать.

– Простой додекаэдр. Что дальше?

Следующий формовыстрел вынес яйцо в совсем уж невероятную конструкцию, напоминавшую сrostок песочных часов. Граней у неё было уже двадцать восемь.

– А это что за чудо? – почесал затылок Прохор, пытаясь вспомнить название многогранника. – Что-то близкое к большому икосододекаэдру... какой-то эйлерид. Красивый какой! Такие друзьям дарить можно.

Под окном послышался клаксон автомобиля, Прохор опомнился и влез под душ.

Юстина вошла в гостиную, когда он вытирал мокрые волосы полотенцем.

Несколько мгновений она рассматривала путешественника, сведя брови, будто не видела несколько лет и теперь сравнивала, тот ли это человек.

Прохор невольно встал по стойке «смирно».

– Прибыл из увольнения, мой генерал! Происшествий и противоправных действий не случилось.

По губам девушки проскользнула улыбка, она обняла вернувшегося из похода математика, чмокнула в щёку.

– Почему всё-таки не позвонил?

– Да я... это...

– В другой раз не отпущу. – Юстина стремительно прошествовала в ванную, послышался плеск воды.

Он поставил эргион на стол, сел на диван.

Юстина вышла в домашнем халате, смыв с губ помаду, но не потеряв при этом ни грана естественной прелести.

– Ел?

– Ждал тебя.

– Сейчас всё приготовлю. – Она двинулась на кухню.

– Подожди, сядь. – Он хлопнул ладонью по сиденью дивана рядом с собой.

Юстина надломила бровь, колеблясь, но послушалась.

– Что-то случилось?

– Случилось.

Глаза женщины стали тревожными.

– Рассказывай.

– Сначала покажу.

Прохор взял эргион, направил на вазу с цветами, но передумал.

– У тебя нет ненужного тюбика с помадой?

– Ненужных вещей не держу, есть использованный не до конца.

– Тащи.

Она принесла тюбик.

Он поставил тюбик на торец. Направил эргион на кругленький перламутровый цилиндр.

Воздух протёк струйкой.

Тюбик превратился в круглый бело-розовый диск, а помада в нём – в красный конус высотой в три сантиметра.

Глаза Юстины стали круглыми.

– ДД учил вас делать фокусы?

– Что-то вроде того. Теперь слушай. – Прохор в подробностях рассказал любимой историю встреч с Дмитрием Дмитриевичем.

Она, поглядывая на блюдо с пирамидкой, молчала, и понять, какие у неё в голове бродят мысли, было невозможно.

– После чего мы и вернулись, – закончил он.

Юстина встала, внимательно оглядела бывшую помаду, потрогала пирамидку пальцем, понюхала.

– Пахнет помадой...

– Разумеется, качества объекта не изменяются, за редким исключением. Произошла формотрансформация, опускание формы объекта к началу его реального формоспектра.

– Теперь он таким и останется?

– Нет, у него должно быть несколько резонансных узлов. Посмотрим.

Прохор снова навёл эргион на «блюдо».

Через секунду диск превратился в квадрат, а конус – в широкую пирамидку.

– Дальше к началу спектра он начнёт разваливаться, пойдём в обратную сторону.

Струение воздуха коснулось квадрата и пирамидки.

Квадрат превратился в диск, пирамидка в конус.

– Мы вернулись в прежнее состояние. Идём дальше.

Диск стал кубом, конус не изменился.

– Как ты это делаешь? – низким голосом спросила Юстина.

– Ты тоже сможешь, буду очень рад, если ты поедешь с нами тренироваться.

Следующий шаг по оси формообразования превратил куб в многогранник, а конус в кубик.

Затем количество граней у обоих составляющих тюбика стало увеличиваться, многогранник приблизился по форме к шару, а сама помада превратилась в кристаллик.

Прохор выдохся.

– Ничего себе, какой широкий спектр у этой штуковины! Надо будет спросить у ДД, почему тюбик не меняется.

– Меняется.

– Сохраняя форму, очень своеобразно. Может, потому что он представляет собой слишком простую фигуру?

– Ты меня заинтриговал.

– Понравилось?

– Пожалуй, я поеду с вами, только дам своим на завтра кое-какие распоряжения.

– Хочешь, ещё поэкспериментируем.

– Это не игрушка. Сейчас будем обедать.

Юстина поднялась, собираясь пойти на кухню, отщёлкнула на шею из клипсы ларинг мобильного айкома. Но Прохор обнял её за колени, прижался лицом к бедру. Она замерла (он взмолился в душе: не отталкивай!), взъерошила его волосы, он поднял лицо вверх, увидел призывное сияние в глазах любимой женщины и, уже не в силах сдерживаться, подхватил её на руки...

Обедали на полчаса позже, чем рассчитывали.

Юстина приготовила чахохбили, пользуясь услугами кухонного комбайна «Рязаночка», позволила по рюмке хорошего грузинского вина «Саперави», и обед удался на славу.

Потом у Прохора начали слипаться глаза, Юстина заметила это и уложила его в постель.

– Спи, я сбегу на часок и вернусь. Потом всё обсудим.

Он закрыл глаза, чувствуя блаженную расслабленность, пробормотал:

– Я тебя люблю...

– Я тебя тоже почему-то, – донеслось откуда-то.

И он провалился в сон, на этот раз – глубокий и без сновидений.

Юстина приехала в шесть и тут же разбудила милого, ни разу не сменившего позу. А следом за ней появился Саблин, энергичный и деловой, как и Юстина.

– Рад видеть вас, ребята! Покормите гостя? Во рту маковой росинки не было с утра, замотался по разным учреждениям и питался только зимним воздухом.

– Сейчас будет ужин, – пообещала Юстина, скрываясь на кухне.

– Как ты? – глянул Данимир на друга.

– Проспал три часа, как после соревнований по лыжным гонкам.

– Надо же, в самолёте спал и дома спишь, сурок несчастный.

– Сурок, но счастливый.

– Тогда ладно. Юстенке рассказал, чем мы занимались у ДД?

– Не только рассказал, но и кое-что показал. – Прохор провёл Данимира в гостиную. – Узнаёшь это яйцо?

Саблин внимательно оглядел стоящее на столе многогранное яйцо из мутно-розоватого материала с красными прожилками на более остром верхнем торце.

– Почти Фаберже.

– Не угадал. Это тюбик помады.

Саблин присвистнул.

– Ничего себе фиговина с морковиной! Никогда бы не догадался.

– Я пытался реализовать весь Ф-спектр тюбика, раз тридцать трансформировал, а он почти всё время такой, если не считать первоначальных форм, где он был тетраэдром, кубом и диском.

– Понял, в чём дело?

– ДД говорил, что каждый объект имеет спектр форм, не изменяющих его внутренних качеств и преобладающих функций, то есть ту форму и качества, ради которых он и был создан. Чашка может сохранять самое главное – объём, куда можно наливать жидкости, поэтому её спектр невелик: цилиндр, куб, полусфера. То же самое касается мяча, зубочистки, ручки, получится тот же небольшой набор форм. Вот и тюбик – совсем простой объект в этом плане. Что он собой представляет?

– Цилиндрик... и в нём колбаска помады.

– И всё! Цилиндрик может изменяться в том же узком диапазоне ёмкостей, что и чашка, помаде же вообще всё равно, какую форму она принимает.

– Простота и совершенство в одном флаконе.

– При чём тут совершенство?

– Каждый раз форма объекта близка к идеалу. Видишь, какой формы получился многогранник? Произведение искусства.

– Ну, если посмотреть под этим углом... а ты ничего не трансформировал?

Саблин смущённо почесал затылок.

– Побаловался с ножом, мне его ещё дед подарил в детстве – охотничий, самодельный.

– Не интригуй.

– Ничего, в общем-то, особенного не произошло, к началу спектра он превратился в нечто похожее на длинную обоюдоострую рапиру. А я хотел получить такой, какой мы видели у Дмитрия Дмитриевича.

– Форма?

– Если в разрезе – узкий ромбик.

– Я думал, будет квант формы – тетраэдр.

– Я сам так подумал.

– Ты взял его с собой?

– Оставил дома.

– Что было потом?

– В конце концов он превратился в... – Данимир поискал сравнение. – Украинский трезубец видел?

– На их знамёнах.

– Так вот ножик превратился в подобие трезубца, но такой изящной красоты и гармонии, что его в пору в музей помещать. Я таким его и оставил.

Вошла Юстина, вытирая руки полотенцем.

– Кого ты оставил?

– Нож.

– Понятно, тоже экспериментировал. Варя видела?

– Нет, она ещё на работе.

– Идёмте ужинать.

Сели за стол.

Юстина приготовила гречневую кашу с жареным луком, капустные котлеты и салат из свеклы. Вегетарианская пища всем нравилась, и о мясе никто не вспомнил. Потом пили чай с яблочным штруделем.

Перебрасывались разными шутками, ничего серьёзного не обсуждали.

– Варюха у меня тоже неплохо готовит, – заметил Саблин, жуя штрудель. – Но её конёк – всё вареное-пареное, с уклоном в баранину. У неё дед – абхазец, научил мать, та – Варю. Зато она точно знает, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок.

– А путь к сердцу женщины? – подначил друга Прохор.

– Что ты имеешь в виду?

– Если есть путь к сердцу мужчины, должен быть путь и к сердцу женщины?

– Путь к сердцу женщины лежит через универмаг, – засмеялась Юстина, скрываясь с тарелками на кухне. Саблин посмотрел ей вслед.

– Это как-то слишком приземлённо. Мой приятель по лестничной площадке говорит иначе: путь к холодильнику женщины лежит через её сердце. А если вспоминать универмаг, то это путь к желаниям шопинг-бабс.

Прохор фыркнул.

– Завидую твоим познаниям в этом вопросе.

– А разве твоя Юстинка не такая? – прищурился Саблин.

Прохор посмотрел на дверь и нарочито громко пропел:

– Нет, она просто круглосуточно красивая женщина.

– Не занимайся мелким подхалимажем, – послышалось из кухни. – Будешь ходить голодным во всех смыслах.

– Упс! – прижал ладонь ко рту Прохор.

Саблин захохотал.

– Как вы мне нравитесь! – Он прекратил смеяться, поднял вверх палец. – Но! Желание женщины – закон! – Последовала пауза. – Пока желание мужчины – любимая женщина! Я правильно сформулировал, товарищ майор?

– На медаль не тянет, но прощаю, – ответила Юстина.

Проخور и Данимир пожали друг другу руки.

Юстина собрала со стола посуду.

– Приберусь и присоединюсь к вам.

– Мы поможем, – встал Саблин.

– Обойдусь.

Она принесла им высокие бокалы с грейпфрутовым соком, ушла на кухню.

Оба расположились в креслах напротив камина, как это делали незабвенные Шерлок Холмс и доктор Ватсон.

– Жизнь налаживается? – прищурил один глаз Саблин.

– Ш-ш-ш! – прижал палец к губам Проخور. – Не спугни!

– Это славно. Давно мы к этому шли, особенно ты. Кстати, я всё приготовил.

– Что именно?

– Не обсуждайте ничего без меня, – прилетел голос хозяйки.

Проخور развёл руками.

Саблин понимающе кивнул.

Характер майорши, командующей опергруппой ОМОН, оба знали отлично.

Юстина заявила через несколько минут, на ходу снимая передник.

– Всё сначала и по порядку.

– Я же рассказывал, – удивился Проخور.

– Мне нужна и его версия, – кивнула девушка на Данимира.

Тот остался невозмутим.

– Вряд ли я добавлю что-то принципиально новое, за исключением эмоций. А их было хоть отбавляй. – Он поведал ту же историю, что и Проخور час назад. – Из всего прочувствованного и узнанного я понял одно: всё, что с нами происходит, не случайно. Мы попали на острие главного удара Владык и неотвратимо погибнем, если не соберёмся и не ответим адекватно.

– Это и моё мнение, – согласился математик.

– Ты сказал – мы? – поиграла бровью Юстина с заметным сомнением.

– Ну да, а что?

– По-моему, под удар попал этот индивидуум, – кивнула она на Проخورа. – Или, если говорить о родовой трансперсональной линии, под ударом находится вся его «числовая родня». Причин не знаю, но, судя по всем событиям, это выглядит именно так.

– Он живёт не один в своём одиннадцатом числомире, у него куча знакомых, есть ты, есть я, друзья и товарищи, и все они в зоне риска. Я не беспокоюсь о себе, я просто констатирую факт. И в других превалитетах, где живут его «родичи», они не находятся в вакууме.

– Я поняла. Что вы предлагаете конкретно?

– Пока ничего особенного. Нам дали передышку, надо ею воспользоваться. Предлагаю поехать в деревушку Ляховцы, это недалеко от Суздаля, километрах в двадцати. Там у моего школьного товарища живёт бабуля – божий одуванчик, добрая и понятливая, да ещё очень даже современная, пользуется коммуникатором, компьютером, Интернетом и прочими при-бамбасами цивилизации, она готова принять нас на пару дней – на субботу и воскресенье.

– И что мы будем там делать?

– Тренироваться, само собой. – Саблин с усмешкой показал на гранёное яичко помады.

– Зачем?

Мужчины посмотрели друг на друга, на Юстину – с одинаковым недоверием.

– Ты что, не понимаешь? – не поверил Проخور.

– Что я должна понимать? Все предметы имеют геометрический спектр в пределах функционального предназначения. Это я поняла. стакан может быть круглый, треугольный, квадратный.

- Прямоугольный.
- В форме куба, яйца, полушария и чего угодно, лишь бы исполнял свои функции – содержать жидкость. Всё?
- Нет! – в один голос возразили друзья.
- Нет? Поясните.
- ДД нам показывал... – начал Прохор.
- Прежде всего наши эргионы в этом смысле не простые трансформаторы геометрических фигур, – перебил его Саблин, – а защитные модули. Изменив форму оружия, направленного на нас, можно избежать и выстрела, и удара. Но главное, что мы теперь имеем возможность изменять форму самого носителя угрозы, что гораздо эффективнее.
- Форму кого? – не поняла девушка.
- Охотника! Ну или того человека, в которого вселится Охотник.
- Вы... шутите? Это реально?!
- Ещё как! – улыбнулся Прохор. – ДД при нас превратил черепашку в костяной многогранник, а потом сбил на лету местную птичку.
- Сбил на лету?
- Эргион, конечно, не снайперская винтовка, но он направляет мыслеволю человека туда, куда тебе надо. Птичка, кстати, превратилась в какое-то ежастое существо, но ДД вернул ему форму птицы.
- Это было забавно, – засмеялся Саблин. – Мы обалдели. Так что, едем?
- Юстина машинально принялась складывать передник, хотя это было не нужно, задумалась, поглядывая на тубик с помадой.
- И вы считаете, что я тоже... смогу?
- Без проблем!
- Хорошо, едем, только на моём транспорте. Почему всё-таки в Ляховцы?
- Нас там никто не потревожит, дом Лукерьи Ивановны стоит на отшибе, у прудочка, лес рядом.
- Хорошо, собирайтесь пока, я позвоню. – Юстина скрылась в спальне, откуда послышался её тихий голос: она отдавала какие-то приказания.
- Прохор быстро побросал в сумку спортивный костюм, кое-какую домашнюю одежду, тёплые носки, берцы, пару инфобиотонов, собранных в последние два месяца, и ноутбук.
- Я готов. Ты будешь брать с собой что-нибудь?
- Уже взял, в машине лежит.
- Варя знает, куда ты едешь?
- Нет, сказал, что на тренировку за город, в один из пансионатов. Она вообще не любопытна и о наших делах почти ничего не знает, да и ни к чему ей это.
- Вернулась Юстина с деловым видом, переодетая в джинсовый костюм.
- Через полчаса приедут мои мальчики на двух машинах, так что если ты на своей, – она посмотрела на Саблина, – оставишь дома.
- Я лучше возле вашего дома оставлю, – не стал возражать Данимир. – Не угонят за два дня.
- Хорошо, выходите, я догоню.
- Мужчины оделись, спустились во двор.
- Погода стояла тихая, давно стемнело, но снег сверкал в лучах фонарей, и звёзды в небе казались россыпями новогоднего конфетти.
- Вышла Юстина с красно-белой сумкой, в белой шубке, в белой же пушистой шапочке, превращавшей её в студентку колледжа, и в красивых узорчатых сапожках фирмы «Вязьма».
- Прохор взял у неё сумку.
- Ну и где твои мальчики?

Словно услышав его слова, во двор один за другим въехали два одинаковых серебристых джипа «Рендж Ровер». Распахнулись дверцы, из обоих вышли высокие плечистые парни в обычных гражданских костюмах: пуховые куртки, джинсы, вязаные шапочки.

– Лёша, поедешь во второй, за нами, – скомандовала Юстина. – Ничего особенного не предвидится, но смотреть в оба.

– Есть. – Парни понятливо кивнули и скрылись во втором джипе.

– Мы поедем в этом. – Юстина первой направилась к машине.

Уложили сумки, сели: Саблин впереди, Прохор и Юстина сзади. Водитель, белобрысый крепыш, поздоровался, тронул джип с места.

Через час они были за городом.

Опыт дело наживное

Деревня Ляховцы насчитывала около сотни дворов, окружавших лобную площадь с церковью Бориса и Глеба, построенной в далёком тысяча восемьсот шестьдесят третьем году.

Кроме церкви, достопримечательностями деревни можно было назвать отдельно стоящую часовню, памятник воинам, погибшим в Великую Отечественную войну, двухэтажный гостевой дом с кафешкой и пруд.

На краю деревни располагались домики и выгон ЗАО «Нива», на котором трудилось большинство населения деревни, на другом – пекарня, а за деревней, где улица Центральная переходила в междугородную трассу, красовался небольшой посёлок ВИП-жителей из пяти коттеджей за высоким красным забором.

Дом бабушки Лукерьи Ивановны стоял почти на берегу пруда, нынче замёрзшего и заметённого снегом, ничем не отличаясь от других таких же хат конца двадцатого века. Коттеджем назвать его не поворачивался язык. Весёленькой голубой расцветки, с шиферной крышей, крыльцом и верандой, он тоже утопал в снегу за шеренгами отлично ухоженного яблоневого сада.

Лукерья Ивановна, действительно божий одуванчик, маленькая, седая, улыбчивая, молодоглазая, приняла гостей хорошо, отвела им всю горницу и одну из спален; дети её давно разъехались по городам и весям России, комнаты пустовали, и в них всё сохранялось в том же идеальном порядке, который поддерживался уже полвека.

«Мальчики» Юстины не остались ночевать у хозяйки. На вопрос Прохора:

– А они как же?

Юстина ответила:

– За них не беспокойся, они устроятся.

Таким образом, Юстина с Прохором легли в горнице поздним вечером, а Саблин – в детской.

Проснулись в хорошем настроении, да и утро двенадцатого января выдалось хоть и морозным, но ясным и солнечным.

Русской печки дом Лукерьи Ивановны не имел, зато у неё был ТЭН и система обогрева, поэтому в доме было тепло.

Юстина встала раньше, чтобы помочь хозяйке с завтраком: продуктов они привезли из Суздаля много, – однако, как оказалось, помощи, равно как и привозных продуктов, кроме хлеба, не потребовалось.

Лукерья Ивановна, предупреждённая приятелем Саблина, приготовила овощной плов, сырники, блины и подала со сметаной, вареньем и молоком.

Мужчины налегли на эти простые яства, будто не ели три дня, и умолели за пять минут. Поблагодарили. Саблин преподнёс хозяйке красивую керамическую кружку:

– Это вам от нас!

– Ой, да не надо, милые мои, – застеснялась старушка, – вон их сколько у меня.

Действительно, кружек разного фасона и размера в горнице и на кухне было полно, они теснились на всех полках и в нишах, очевидно, коллекцию собирал кто-то из домочадцев.

– Полно, а такой нет.

– Благодарствую, гостеньки, сын всю жизнь собирал, да мне и оставил, живёт во Владимире, а там квартирки махонькие.

Лукерья Ивановна поставила кружку на одну из полок.

– Я вам помогу прибраться, – встала Юстина.

– Не надо, управлюсь, – отказалась Лукерья Ивановна, – самой делать нечего.

– Пошли во двор, – предложил Прохор, – там есть на что посмотреть.

Оделись, вышли, окунаясь в чистейший морозный воздух и солнечные лучи, шалея от свежести и тишины.

– Красота! – втянул воздух носом Саблин. – Жаль, лыжи не взяли.

– Давайте займёмся делом, – предложила менее романтично настроенная Юстина.

– Предлагаю начать с самого простого, – сказал Прохор, оглядываясь по сторонам; ему самому не терпелось проверить свои способности. – Что мы здесь видим?

Видели они ухоженный, почти свободный от снега двор, окружённый деревянным забором.

Справа стоял сарайчик под железной крышей, прикрывающий бугор погреба.

Слева располагался сарай побольше, кирпичный, где хозяйка содержала кое-какую живность: козу, гусей и кур.

Рядом с сараем виднелся дощатый навес, под которым были поленницами уложены берёзовые и сосновые дрова.

В дальнем углу двора красовался под шапкой снега штабель кирпичей.

По двору бродили куры – белые, рябые и рыжие, и молодой петух, косо поглядывающий на людей. Они выискивали в снегу зёрна пшена.

– Полено, – предложил Саблин.

– Кирпич, – предложила Юстина, не совсем уверенная в трезвости всей компании.

Во двор выскочила Лукерья Ивановна, закутанная в пуховой платок.

– Может, вам чего надо достать из погреба? Так вы не стесняйтесь.

– Не надо, – отказалась Юстина, – спасибо.

– Солёных огурчиков, – вдруг сказал Саблин. – И яблочек мочёных.

Юстина посмотрела на него, сдвинув брови, потом поняла, для чего он просит деликатесы.

– Сейчас, милые мои. – Старушка шмыгнула в погреб.

– Посмотри на улице, – попросил Прохор, – за нашим домом никто не следит?

– Кто надо следит, – бросила Юстина. – Всё тихо.

Прохор понял, что мальчишки опергруппы Юстины не просто привезли пассажиров в деревню, а призваны контролировать все подходы к дому Лукерьи Ивановны.

Хозяйка вынесла миску солёных огурцов и мочёных яблок.

– Сейчас будете или к обеду поставить?

– К обеду, – сказал Саблин. – Возьму по одной штуке на пробу.

Он выбрал огурчик и яблоко, понюхал.

– А пахнет! Божественная еда!

Лукерья Ивановна улыбнулась и поспешила в дом.

– Итак, с чего начнём? – подула на пальчики, стянув варежку, Юстина.

– Положи-ка их на чурбачок, – указал Прохор на поставленный на торец дубовый чурбак, на котором Лукерья Ивановна когда-то колола дрова. – А начнём всё-таки с кирпича.

– Я первый! – поднял руку с огурцом Саблин.

– Не лезь поперёд батеньки в пекло.

Прохор вытащил облезлый красный кирпич из кладки, положил на срез чурбака. Достал эргион.

Саблин и Юстина следили за ним, как зрители в цирке за фокусником.

«Давай!» – внутренне напрягся он.

Знакомое струение воздуха обняло кирпич, и он превратился в шершавый трещиноватый куб.

Саблин цокнул языком.

Юстина перевела зачарованный взгляд с куба на порозовевшее лицо Прохора, на куб, покачала головой.

- Если бы не видела собственными глазами...
- Ты уже много чего видела и многое умеешь, – безапелляционно заявил Саблин. – По числомирам ходить научилась – и форматрансу научишься. Давай дальше я.
- Попробуй, – отступил Прохор.
- Саблин направил свой эргион на бывший кирпич.
- Через несколько мгновений куб превратился в тетраэдр.
- Начало Ф-спектра, – авторитетно сказал Прохор. – Надо идти в обратную сторону, к развёртке спектра.
- Саблин застыл... и тетраэдр рассыпался горкой красноватого песка.
- Оп-па!
- Юстина фыркнула.
- Не туда пошёл, – сконфузился Данимир.
- Ничего, просто надо привыкнуть.
- Прохор принёс другой кирпич, сосредоточился.
- Кирпич превратился в куб. Затем, спустя несколько секунд, в октаэдр и додекаэдр, становясь всё более трещиноватым и блёклым. На двадцатиграннике он тоже рассыпался на мелкие пластинки и комки.
- Конец спектра, – прокомментировал Саблин.
- Поясни, – потребовала охваченная любопытством девушка.
- Кирпич как твёрдое тело определённого назначения может существовать только как вариант платоновых тел, многогранников, способных выполнять ту же функцию – быть кирпичом, элементом строительного материала. В этих пределах он и сохраняет свою структуру.
- Саблин посмотрел на Прохора.
- Я правильно объяснил?
- Можешь читать лекции студентам. Дан прав, кирпич прост, как... как кирпич, поэтому диапазон его формосуществования узок. Давайте возьмём более сложную фигуру.
- Полено, – предложил Саблин.
- Прохор вытащил из поленницы берёзовое полешко, положил на торец чурбака.
- Фокус начинается!
- Полено «поёжилось» под струёй воздуха и превратилось в красивый ровный цилиндр с бело-чёрным узором коры.
- Саблин, скрипя снегом, подошёл к нему, взял в руки, оглядел.
- Ни одного изъяна! Ровный цилиндр. Мы теперь можем изготавливать суперские сувениры, будет на что жить в старости.
- Дай, – протянула руку Юстина.
- Данимир передал цилиндр, назвать поленом который было трудно.
- Тяжёлый, – оценила она. – Холодный...
- Давайте пробежимся по спектру, – сказал Прохор. – Это в принципе биологический объект, хотя и засохший, без признаков жизни, углеводов, окислы, высохшая биомасса.
- Установили цилиндр на чурбак.
- Теперь я, – объявил Саблин.
- Может, я попробую? – проговорила Юстина с необычной робостью.
- Мужчины переглянулись.
- Почему бы и нет? – отступил Саблин.
- Помнишь алгоритм числоперехода? – строго сказал Прохор. – Он теперь становится и алгоритмом форматрансформации, с некоторыми нюансами, только представлять надо не цифры...
- А геометрические формы, – закончил Саблин.
- Я помню! – бросила Юстина, раздув ноздри.

Она достала свой эргион, и в самом деле похожий на произведение искусства из полудрагоценных камней и серебряных стерженьков.

Рука задрожала, но женщина сжала губы, справилась с волнением, направила эргион на берёзовый цилиндр.

С минуту ничего не происходило.

Глаза Юстины стали как щёлочки.

Мужчины терпеливо ждали.

Проход хотел предложить подруге передохнуть и обсудить этапы формотрансформации, но уловил косой предупреждающий взгляд Саблина и остался на месте.

Лицо Юстины вспыхнуло.

И тотчас же чёрно-белый цилиндр, бывший обычным берёзовым поленом, разделился на целый пук тонких деревянных прутиков, похожих на лучины. Пучок постоял мгновение и распался на отдельные прутики, упавшие на снег.

Юстина вздрогнула.

– Чёрт!

Саблин и Проход засмеялись.

– Чего ржёте? – гневно сверкнула глазами Юстина. – Что я сделала не так?

– Успокойся, всё так, – обнял её за плечи Проход, – ты ничего не сделала лишнего, просто следующий шаг полена по Ф-оси представляет собой вот такие фигуры.

Саблин поднял «лучину».

– Видите форму? Десять граней, словно из-под станка, если считать с торцами.

– Всё равно не понимаю.

– Полену предназначена одна функция – сгореть в печке или в костре. То есть весь спектр его формосуществования будет реализовывать эту функцию. Вот смотри.

Данимир собрал лучины ровной горкой, направил на неё эргион.

Стопка задымилась и превратилась в странный сросток тонких деревянных стерженьков, похожих на гнутые спиралью коренья.

– Блин! – изумился Саблин.

Юстина прыснула, расслабляясь.

– А это как ты объяснишь?

– Ну, палки перепутались...

– Мы взяли для тренинга неудачный объект, – задумчиво сказал Проход. – Полено – не вывороченная из земли глыба камня, это бывший живой организм, он рос, жил и размножался. Дерево засохло, но состоит из клеток, которые в свою очередь состоят из длинных биологически активных молекул. А они реагируют на формотранс не так, как кирпич.

– Логично, – согласился Саблин.

Проход направил эргион на «сросток корней».

По «корешкам» прошло искривление, и все они сплелись ещё гуще, закрутились в более сложный объект, близкий по форме к шару.

Во двор вышла Лукерья Ивановна в том же толстом, сером, пуховом платке, неся в руке алюминиевую миску с пшеном, с любопытством посмотрела на чурбак, на шар, на красные полосы пыли. Позвала кур:

– Цыпа, цыпа, цыпа...

Куры без опаски направились к ней.

– Чем это вы тут занимаетесь?

– Решаем геометрические задачи, – бодро доложил Саблин. – Кирпич ваш развалили, не будете ругаться?

– Да за что ругаться-то? – не поняла Лукерья Ивановна. – Кирпич старый, о прошлом годе трубу меняла в сараюшке, вот осталось. Хоть весь кирпич берите.

– Весь нам не надо.

– А это что за колобок? – Старушка кивнула на шар из берёзовых «корешков».

– Мы учимся создавать геометрические композиции из разных материалов, – нашёлся Прохор. – Только это коммерческая тайна, вы уж никому не рассказывайте, ладно?

– Дак ведь и некому рассказывать, – махнула ручкой Лукерья Ивановна. – Ко мне редко кто заходит, а дети раз в год приезжают.

Она ушла в дом.

– Не бойтесь, – понизил голос Саблин, – Ивановна – верный товарищ, всё будет хорошо, я с ней объяснюсь.

– Топчемся на месте, – сердито сказала Юстина, пряча руки в рукава. – Может, в лес уйдём?

– После обеда так и сделаем. Что у нас есть ещё?

– Лопата, – заметил Прохор деревянную лопату для уборки снега.

– Солома, – показала пальчиком Юстина на маленький стожок соломы, прикрывающий бугор погребца.

– Курица, – предложил Саблин.

– Нет, живыми объектами займёмся только после того, как научимся трансформировать неживые, – твёрдо сказал Прохор. – С соломой я не уверен, что она станет менять форму, её функции ограничены одной, максимум двумя позициями.

– Давай проверим.

– Проверяй.

Саблин «выстрелил» из эргиона.

Маленькая копнушка соломы высотой в полметра, покрытая снегом, вскипела... и осыпалась ровным слоем по горбу погребца, перемешавшись со снегом.

Прохор засмеялся.

Саблин подошёл ближе, чтобы рассмотреть результат своего «формотворчества».

– Почему она так легла?

– Потому что ей всё равно, как лежать.

– И солома не изменилась...

– А её форма в данном случае вообще не играет никакой роли. Каждая соломинка – пустая трубочка, не несущая никаких полезных функций. В крайнем случае эти трубочки станут многогранными.

– А если попробовать пойти в другую сторону?

– Валяй.

Саблин «выстрелил» ещё раз – с тем же результатом, и ещё раз, и ещё.

Ворох соломы менять форму не хотел. Правда, соломинки действительно стали многогранными, как и предсказывал Прохор, но, кроме этого, ничего больше с ними не происходило.

– Кончайте играть, – сказала Юстина. – Малые дети. У нас есть другие вещи.

– Ставь огурец, – решил Прохор.

Саблин очистил торец чурбака от кирпичной пыли, положил по центру огурец.

– Сейчас мы его превратим...

– В карету, – иронично закончила Юстина, вспомнив известную сказку.

Прохор прицелился, и солёный огурчик превратился в идеальной формы двойной тетраэдр, склеенный торцами. Вернее, не склеенный, а как бы выросший на грядке с формой двойного тетраэдра. Он был такой же блёкло-зелёный, с беловатыми прожилками, и на огурец походил мало.

– На карету не похож, – глубокомысленно произнёс Данимир, разглядывая бывший огурец. – Можно откусить?

– Откуси, вряд ли он потерял вкус огурца.

Саблин с хрустом откусил острый кончик первого тетраэдра, пожевал, проглотил.

– Вкусно.

– Солёный огурец – он и в Африке солёный огурец, – сказал Прохор. – Клади на место.

– Можно мне? – сделала шаг вперёд Юстина; щёки её запылали, и она сердито сверкнула глазами, как бы предупреждая: попробуйте, пошутите!

– Конечно, – отступил Прохор.

Юстина направила эргион на огурец.

Надкусанный двойной тетраэдр превратился в длинный зеленоватый параллелепипед с чашевидной впадиной на торце.

– Пенал! – определил Саблин.

– Я хотела... другое.

– Ерунда, ты здесь ни при чём, просто диапазон формосуществования огурца допускает и прямоугольные формы. Трансформируй дальше.

Огурец превратился в додекаэдр. Потом в икосаэдр.

– Понятно, дальше можно не продолжать, – сказал Прохор. – Спектр огурца укладывается в стандартные платоновы тела. Потом пойдут многогранники, пока не получится шар.

– А если взять яблоко?

– Будет то же самое.

– Я всё-таки попробую. – Юстина взмахнула эргионом, как волшебной палочкой, и превратила мочёное яблоко в нечто, напоминающее гранату-лимонку со множеством выпуклых насечек.

– Поздравляю, – хрюкнул Саблин, – из вас выйдет прекрасная фея-селекционер.

Юстина ткнула эргионом в «гранату», и та преобразилась в многогранник с выпуклыми гранями блёклого салатного цвета.

– Сорок, однако, – сосчитал количество граней Саблин. – Можно откусить?

– Тебе бы только кусать, – осудил друга Прохор. – Не наелся бабушкиными блинами?

– Я просто хотел сравнить вкус.

– Вкус еды изменение формы объекта скорее всего не меняет, ты уже пробовал огурец. Давайте поэкспериментируем с более сложными предметами.

– Сарай, – предложил Саблин не моргнув глазом.

– С ума сошёл? – поинтересовалась раскрасневшаяся, вошедшая во вкус Юстина. – А если он развалится и мы его не соберём? Будешь потом ремонтировать?

– Об этом я не подумал, – почесал затылок Данимир. – Тогда опять-таки начнём с лопаты.

Выбор у нас невелик, если честно.

– Пошли в лес.

– А в лесу выбор больше? Деревья да птицы.

– Хорошо, испытаем лопату. Юстик, ты сможешь?

– Если дополнительных формул не надо...

– Всё то же самое. А ты, – Прохор посмотрел на Саблина с прищуром, – поищи что-нибудь в сарае.

Данимир скрылся за дверью сарайчика.

Прохор вытащил лопату из сугроба, прислонил к чурбаку.

– Вперёд.

– К началу спектра?

– Не имеет значения.

Юстина прищурила правый глаз, будто находилась в тире и целилась в мишень из пистолета.

Облачко струения обняло лопату, и это чудесное изобретение человечества из листа фанеры с жестяной кромкой, деревянной ручки и кусочка жести в месте крепления ручки к фанере превратилось в футуристическое изделие скульптора-авангардиста.

Черенок лопаты остался круглым, но изогнулся ровной дугой. Слегка изогнутый лист фанеры превратился в идеальной формы чашу, прикрепленную к ручке блестящим кружочком металла. Шурупы при этом не выпали, только отвалился изогнутый мыс лопаты, призванный защищать фанеру от задигов.

Из сарая выглянул Саблин.

– Что примолкли? – Он увидел чудо-вещь. – Ух ты! Красота какая! Прямо хоть на выставку декоративно-прикладного ремесленничества.

– Только это уже не лопата, – пробормотал Юстина. – Ковш какой-то.

– Назад прокрути, импульсы к началу и к концу спектра различаются.

Юстина закусила губу, вытянула вперед руку с эргионом, потом вдруг решительно сунула его в карман шубки.

Тем не менее футуристическая лопата-ковш ожила и превратилась в прежнее неказистое, но очень эффективное орудие для уборки снега. Разве что лежащий на снегу металлический ободок так и остался лежать, не спеша становиться на место. Он явно выпал из поля внимания экспериментаторши.

– Вот это по-нашему! – одобрительно бросил Саблин. – Хотя я не понял, почему ты спрятала эргион.

– Сами же говорили, что не обязательно вытаскивать его и целиться, как из снайперки.

– Нам ДД сказал. Молодец, ты первая проверила тезис.

Проход подошёл к Юстине, обнял, прижался к холодной щеке своей щекой, посмотрел в глаза.

– Ты не представляешь, какая ты молодец!

– Представляю, – проворчала она с облегчением, подспудно сомневаясь в своих «магических» способностях. – Этот процесс действительно захватывает, не хуже чем игра в карты или в бильярд.

– Эй, я тут нашёл железяку. – Саблин вынес из сарая ржавый серп. – Раритет. Сделай из него меч.

Проход отнял у него серп, положил на чурбак.

Юстина сосредоточилась, сжав эргион в кулачке, снова сунула руку в карман.

Серп «поёжился» и превратился в идеально круглое кольцо из металла, насаженное на рукоять.

– Ничего себе меч! – удивился Саблин. – Эту штуку метать можно, как японский сюрикэн.

– Иди дальше, – посоветовал Проход.

Серп-кольцо превратился в сплошной диск металла.

– Понятно, спектр режущих предметов данной фигуры реализуется в круглых и плоских формах. Главное, чтобы она резала траву. Интересно, есть у этой пилы предел?

Юстина продолжала сосредоточенно смотреть на бывший серп, и его круглая модификация начала меняться каждые две-три секунды. Однако форма круга при этом менялась не сильно. Круг с острой кромкой то становился меньше, то расплывался на полметра, то становился вытянутым или кольцеобразным. Стало понятно, что превращаться в другую геометрическую фигуру он не собирается.

И всё же Юстина упорно пыталась довести эксперимент до логического конца, пока ей это не удалось.

Спустя несколько минут «дискосерп» внезапно превратился в ажурно-извивчатую конструкцию, напоминавшую кленовый лист.

Заинтересованные мужчины наклонились над ней.

– Ну и что это за абстракция? – осведомился Саблин.

Прохор взял «листорсеп» в руки.

– Чистой воды фрактал!

– Это то самое, о чём говорил ДД?

– Фрактал – фигура самоподобия, есть очень красивые формы, глаз не оторвёшь. ДД рассуждал, что Числовселенная более сложна, чем нам кажется, она реализует не только простой арифметический спектр, спектр целых чисел, но и такие математические загибы, как логарифмы, дроби и мнимые числа. Фракталы – один из реализованных вариантов.

– Не помню, чтобы он такое говорил.

– Ты выходил.

– Хорошо, мальчики, это фрактальная конструкция, – напомнила о себе Юстина, – что дальше? Пройти весь спектр до конца?

– Вряд ли это возможно, – с сомнением сказал Прохор. – Фрактал будет усложняться – и только, у него нет предела. Лучше вернуть серпу прежнюю форму.

– Вот вы этим и занимайтесь, – отрезала девушка, глянув на часы. – Уже обед скоро, пойду помогу Лукерье Ивановне готовить.

Она ушла.

Саблин оценивающе повертел в руках ажурный «серп».

– Не хочу я обратно крутить, там в сарае ещё с десятков таких же серпов висит. Кстати, нет приёма, чтобы превратить эту штуковину в серп одним усилием, минуя этапы формоспектра?

– Не знаю, ДД по этому поводу ничего не говорил.

– Жаль, если такого приёма нет. – Саблин скрылся в сарае и вернулся без серпа. – Продолжим?

– После обеда, подмёрз я что-то.

– Правильно, погреться надо. Но захватывает этот процесс как наркотик, Юстя права.

Оба направились в дом.

После обеда, в начале третьего, решили прогуляться в лес. Взяли с собой нож, вилку (утаив от бабушки Лукерьи), стакан и перегоревшую электролампочку. Остальные наглядные пособия для экспериментов решили поискать в лесу: шишки еловые, ягоды рябины, кусты и какую-нибудь живность.

День по-прежнему был насквозь пронизан солнцем, тишина кругом стояла такая, что звенело в ушах, и хотя мороз держался на уровне минус десяти градусов, холода не чувствовали.

В лес уходила хорошо накатанная дорога. Как пояснила Лукерья Ивановна, это была дорога в соседнее село Липовцы, где располагалась районная школа.

Поискали тропинку от дороги, уходящую в лес, нашли. По ней, очевидно, ходили в лес жители Ляховцев, за хворостом, корой или опавшими сосновыми иголками, которые все, кто имел живность, использовали в хлевах в качестве подстилки.

Нашли шишку, превратили её в чешуйчатый тетраэдр, потом в десяток других фигур, схожих чешуями и цветом, хотя чешуи при этом тоже меняли форму по закону Ф-спектра. В конце концов от шишки осталась только труха.

Маленькая, засыпанная снегом ёлочка долго не хотела изменяться, оставаясь остроносным конусом. Изменялась лишь форма её иголок – от широких лопаточек до узких и длинных игл, превращавших елку в дикобраза. Но в какой-то момент она раскорячилась ажурным многогранником, и Саблин со знанием дела констатировал:

– Вот вам и новый фрактал! Похоже, все Ф-спектры живых и растительных объектов заканчиваются фракталами. Вон сорока на клёне сидит, на нас смотрит, проверим?

– Жалко, – неуверенно проговорила Юстина.

– Чего жалко? Мы же не убивать её собираемся.

– Всё равно придётся экспериментировать на живом, – поддержал Данимира Прохор. – В этом деле нам нужен железный опыт.

– Кто начнёт?

– Я. – Прохор вытянул эргион, потом сунул его в карман, чувствуя ладонью шёлковое тепло многогранника.

Сорока, сидевшая почти на вершине потерявшего листву клёна, что-то прострекотала, переступила с ноги на ногу... и с шумом полетела вниз слитком чёрно-белой «керамики», бухнулась в снег гирей, ошалело вертя головой. Только была это уже не сорока, не птица, а странное голенастое существо, покрытое не то перьями, не то чешуёй, похожее на карикатурного микродинозавра.

– Оба-на! – озадаченно сказал Саблин.

Юстина прижала ладони к щекам.

«Динозавро-сорока» попыталась взлететь, хлопая крыльями, больше похожими на плавники, побежала от дерева к дереву, но завязла в сугробе.

– Верни ей крылья! – сказала Юстина.

– Успеем, пусть потерпит, ворюга. – Прохор «выстрелил», включая процесс формоперехода.

Странное существо подпрыгнуло, обрастая крыльями. У него стало теперь четыре крыла, а ноги потолстели, увеличиваясь в размерах, мосластые, как у страуса, хотя и не потеряли слой зеленоватых чешуй.

Птица зашипела, замахала крыльями, однако взлететь снова не смогла, попыталась влезть на дерево, противно заорала.

Прохор сжал зубы: сороку было жалко, но эксперимент следовало довести до финала, к тому же он надеялся, что вернёт птице её первоначальный облик.

Следующая трансформация преобразила четырёхкрылую «страусо-сороку» в мохнатую зубастую многоножку с десятком маленьких чёрных и белых крылышек.

Многоножка открыла пасть, свистнула по-соловьиному, снова попыталась взлететь, однако и на этот раз ей это не удалось. Возможно, для взлёта такому странному зверю требовался разбег, а по снегу разбежаться, даже имея небольшую массу, было трудно.

Юстина не выдержала.

– Крути назад!

Прохор понял, что эксперименты с живыми существами чреваты последствиями. Что же будет с людьми? – подумал он. В каких существ станут они превращаться, случись нужда в переформировании? ДД почему-то не сказал об этом ни слова. Сам не знал?

Шаг назад по Ф-оси (Прохор уже не напрягался, меняя вектор алгоритма формоперехода, привык) вернул зубастой, крылатой многоножке форму четырёхкрылой птицы.

Кудахча, как курица, она завязла в сугробе, и последующая трансформация вернула ей первоначальную фигуру сороки.

Разволновавшаяся птица заскакала по сугробам, взлетела наконец и, наткнувшись на дерево, стрекоча, метнулась прочь, подальше от страшного места.

Саблин захохотал. Улыбнулась и Юстина.

– Слава богу, бедная, отмаялась. От таких стрессов она птенцов заводить не сможет.

– Придёт в себя и забудет, – махнул рукой Саблин. – Что скажете? Опыт можно признать удачным или как?

– Чтобы так мучить живность, надо быть садистами, – заметила погрузневшая Юстина. – Давайте лучше на чём-нибудь неживом тренироваться.

Прохор хотел возразить, но встретил её взгляд и передумал. Вытащил лампочку.

– Кто первый?

Саблин отобрал у него лампочку, установил на вершине сугроба, наставил на неё палец.
– Бац!

Лампочка превратилась в дымный шарик... и рассыпалась стекляннно-металлической пылью.

Прохор не выдержал, засмеялся, глядя на уморительно-удивлённую физиономию друга, но в это время в ухе клацнул вызов мобильного. Он поднял руку, призывая спутников помолчать.

– Слушаю.

– Прохор Кириллович? – раздался в ухе гортанный мужской голос.

– Он. – Прохор хотел спросить: кто звонит? – но айком выдал цифры номера, и он вспомнил, кому принадлежит голос. – Таглиб?

Саблин замер, услышав имя, подошёл ближе.

– Прохор Кириллович, у нас дурные вести, – продолжал приятель Дмитрия Дмитриевича по-английски. – Дмитрий просил передать, что Прохор-третий попал в психиатрическую лечебницу в своём превалитете. Причина неизвестна. Но это ещё не всё. – Араб помолчал. – Вашего восьмого «родственника» сбила машина.

Прохор сжал зубы. Мысли разбежались, и стоило труда собрать их вместе.

– Почему, как? Попал в ДТП? Несчастный случай?

– Я там не был, поговорите с вашим другом Данимиром, пусть сходит туда и проверит.

– Понял, сделаем. ДД... э-э... Дмитрий Дмитриевич больше ничего не передавал?

– Он сказал: пусть усиленно тренируются. И ещё он сказал: будь сам мерой того, что происходит.

– Как? Извините...

– Это всё. Звоните, если понадобится. – Голос в клипсе мобильного пропал.

Саблин и Юстина молча разглядывали математика, засмотревшегося на зимний лес.

– Кто звонил? – не выдержала девушка.

– Возвращаемся, – очнулся Прохор.

– Что случилось? Кто звонил?

– Таглиб, знакомый формонавт, мы познакомились у ДД. Прохор-третий попал в дурдом.

– Ну и что?

– А восьмого сбила машина. Насмерть.

Саблин сыграл желваками.

– Откуда Таглиб узнал об этом?

– От ДД.

– Тогда действительно надо возвращаться, тренироваться будем дома. Не вздумай ходить туда – в третий и восьмой превалитеты! Я сам наведу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.